

Граф Таррагона

Бушмин Виктор

Виктор Бушмин
Граф Таррагона

«Автор»

2023

Бушмин В. В.

Граф Таррагона / В. В. Бушмин — «Автор», 2023

Четвертая книга увлекательной серии исторических приключений. Манящая и непредсказуемая Испания, марвы и христиане, битвы рыцарей и наемные убийцы. Тот случай, когда удача любит отважных, наглых и беспечных.

© Бушмин В. В., 2023

© Автор, 2023

Виктор Бушмин

Граф Таррагона

ГЛАВА I.

Руанский порт.

Руан. Нормандия. Порт. 28 октября 1128г.

Оживление и суэта, царившие в переполненном Руанском порту, были извечными спутниками торговцев, моряков, путников и паломников, хотя бы раз оказавшихся перед решительным выбором в своей грешной жизни – пуститься в морское путешествие, полное опасностей, невзгод и испытаний, таких опасных и непредсказуемых, что католической церкви, не мудрствуя лукаво, надо было причислить морские вояжи к епитимиям.

Морские разбойники – эти средневековые прародители пиратов и флибустьеров, внезапные шторма, постоянная болтанка, выворачивающая наизнанку, рифы, мели и полнейшее отсутствие сколь бы то ни было нормальных условий жизни на судне, вот, пожалуй, краткий набор «прелестей» жизни.

Мало кто обращал внимание на двух молодых людей, можно сказать, почти сверстников, стоявших на пирсе возле большого пузатого неффа, который, лениво покачиваясь на легких волнах, скрипел канатами, крепко привязавшими его к земле.

Оба молодых людей были, судя по выправке и манерам держаться, воинами, а их благородная внешность, скромные на первый взгляд, но весьма дорогие, если присмотреться внимательнее, одежды, широкие пояса, кинжалы, мечи на перевязях и шейные цепи, выдавали в них рыцарей, планировавших, скорее всего, совершить длительное морское путешествие.

Давайте немного и мы познакомимся с ними поближе:

Один из рыцарей, мессир Филипп де Леви, – высокий, статный молодой мужчина, был рыжеволос и коротко стрижен, старался казаться спокойным, излишне холодным и сдержанным в своих эмоциях.

Второй ж, и его звали Гильом де Ипр, бастард старого графа де Лоо, – наоборот был оживлен, часто жестикулировал, снабжая свою речь выразительными движениями рук. Он был несколько ниже и моложе своего товарища.

– Филипп, последний раз прошу тебя, останься... – Гильом де Ипр, это был именно он, крепко сжал руку товарища и, заглядывая ему в глаза с невыразимой тоской, прибавил. – Поговаривают, что его величество Людовик в скором времени все-таки решится на крестовый поход. Поверь, это лучше, чем отправляться в Испанию! А?..

Филипп, хмурясь, ответил:

– Прости меня, брат мой де Ипр, но обстоятельства заставляют меня убыть за тридевять земель. Понимаешь, я дал слово покойному графу Гильому Клитону, сыну герцога Робера Нормандского... – он внезапно замолчал, подумав, что сболтнул лишнего. – Надо так...

Гильом де Ипр, так ничего толком и не поняв из его туманных предложений, вздохнул, покачал головой и, решившись на последнюю атаку, сказал:

– Что и кому ты обещал еще что-нибудь? Почему-то мне, твоему другу и боевому товарищу, ты ничегошеньки не обещал..

Филипп внезапно побледнел, желваки заходили на его скулах, куда-то отвел глаза и ответил:

– Ты уж не обессудь, дружище. Это неважно для тебя, не забивай себе голову, но это очень важно для меня лично, клянусь тебе... – он собрался с силами и посмотрел товарищу в глаза. – Ты, как я понял, решил податься в услужение к его светлости де Блуа? – Гильом кивнул головой в ответ. – Вот и ступай. Я пока все еще вассал его величества Франции и не могу, как те проклятые фламандцы, менять оммаж как им заблагорассудится...

Гильом шмыгнул носом и виновато ответил:

– А я ведь тоже фламандец. Только не подумай бог весть что обо мне! Граф де Блуа пообещал мне весьма приличную плату и по достоинству оценил мои таланты командира... – де Ипр развел руками, – сам ведь знаешь, брат, что я бастард, земель и замков у меня нет и, – он грустно опустил голову, – судя по всему, никогда не будет. А тут! Граф Тибо дал мне слово, что, если я не подведу его и его брата Этьена, то он вручит мне ключи от трех, понимаешь, трех замков в Шампани!.. – его глаза заискрились восторгом, – а там буквально рукой подать до земель моего батюшки-развратника, прости его господи. А еще он, это между нами, намекнул мне на возможность скорой и весьма увлекательной экспедиции за какой-то там короной. Хрен его знает, какой, но мне это и не важно. Самое главное, что будет возможность снова проверить себя и свой меч в деле!

Де Ипр перекрестился, вспомнив своего недотепу-отца, умудрившегося, не имея законных детей и наследников, занять единственного сына, да и то – бастарда!

Филипп улыбнулся, увидев своего боевого товарища таким возбужденным, увлеченным и оживленным. Он обнял его и произнес:

– Я понял тебя. Могу даже угадать, о чем он намекал. – Гильом вопросительно посмотрел на него. – Это, брат мой и друг, Англия...

Гильом открыл рот от удивления, с сомнением покачал головой, ответил:

– Ересь какая-то. Там король есть, он еще, как я понял, помирать не собирается...

Филипп засмеялся, похлопал его по плечу и заговорщицким тоном произнес:

– Все мы, как ты знаешь, в руках Господних... – он помрачнел и прибавил. – Вспомни твоего кузена и моего единственного друга, покойного Гильома Клитона...

– Это верно... – Гильом де Ипр набожно и истово перекрестился. Он едва не расплакался, вспомнив нелепую и странную смерть Гильома Клитона. – Как ты думаешь, Филипп, он на небесах?..

Филипп крепко сжал рукоять меча и ответил:

– Лично для меня, мой друг, он именно там, рядом со своим великим дедом...

– Ты едешь один?.. – Гильом поискал глазами слуг и удивился, когда понял, что де Леви едет в одиночестве. – Даже оруженосцев и конюших не взял? – Филипп молча развел руками. Гильом страшно испугался и, вытаращив глаза от изумления и удивления, сказал. – Господи! Да ты с ума сошел! Там же кругом одни враги, чужая земля, обычаи!..

– Ерунда... – Филипп показушно засмеялся. – Бог не выдаст – свинья не съест!..

Гильом стал озираться по сторонам и, внезапно улыбнулся, увидев молодого бедно одетого и кое-как экипированного парня лет восемнадцати, спешившего к кораблю в одиночестве.

– О! Ты не один, судя по всему. Еще один паломник, наверное...

Филипп крепко пожал ему руку и сказал:

– Вот видишь, Господь послал мне попутчика. Прощай, мессир де Ипр, Бог даст – увидимся еще когда-нибудь...

Де Ипр поклонился и ответил:

– Обязательно. Я твой должник. – Гильом обнял друга, потом отстранился от него, и глядя в глаза товарищу, прибавил: – Я, Гильом де Ипр, клянусь тебе, Филипп де Леви, что никогда и ни при каких обстоятельствах не подниму свое оружие против тебя, чего бы мне это потом не стоило и чем бы не грозило...

– Перестань, Гильом, это лишнее... – Филипп направился к трапу, перекинутому на корабль с пирса. – Не жди отплытия, я не люблю, когда меня провожают...

– Храни тебе Господь... – Гильом незаметно перекрестил его, едва нога де Леви коснулась шаткого трапа, ведущего на борт нефа.

Париж. Месяц назад. Королевский дворец.

Беседа явно не клеилась. Напряженное состояние всех присутствующих в небольшой комнате нависло в воздухе грозовой тучей.

Король Франции Людовик, высокий и крепкого телосложения сорокасемилетний мужчина с волосами цвета спелой пшеницы, молча просидевший почти всю беседу, резко поднялся и, метнув гневный взгляд на своего канцлера и по совместительству аббата Сен-Дени Сугерия, прошелся несколько раз по комнате, развернулся и, посмотрев в глаза молодому рыцарю, стоявшему застывшей словно каменной фигурой, произнес:

– Как у вас, мессир де Леви, язык поворачивается бросать подобные резкие слова в адрес нашего верного слуги и добропорядочного аббата Сугерия?! Послушать вас, так выходит, что мы почти с самого начала знали о том, что было уготовано покойным графам Шарлю Доброму и Гильому Клитону в этой мятежной, подлой и Богом проклятой Фландрии! Ересь и бред!..

Сугерий, отнекивавшийся и молчавший весь до этого разговор с Филиппом де Леви, с явным облегчением выдохнул, услышав слова поддержки из уст Людовика. Он приободрился и, расправив плечи, бросился в контратаку на Филиппа:

– Побойтесь Господа, сын мой! Мы прекрасно понимаем, что та горечь потери друга и христианнейшего рыцаря, коим был покойный граф-герцог Клитон, несколько помutilа ваш рассудок... – он попытался положить свою сухонькую ладошку на волосы рыцаря, но тот тряхнул головой, выражая нежелание подставлять свою голову для его ласкового и вкрадчивого умиротворяющего жеста. Сугерий хмыкнул и продолжил. – Роковое стечение обстоятельств, только и всего...

– Роковое?! – Возмутился Филипп. Он мельком перевел взгляд на короля, затем на аббата: – Вы, монсеньор аббат, даже не представляете, насколько роковое! Фландрия, некогда мирная и верная, безвозвратно потеряна! Был перехвачен агент англичан, он, можно сказать, и руководил всем этим шабашем! Палач графа Гильома допросил его с пристрастием, а писец слово в слово записал все, что рассказал этот наймит-иуда!..

Сугерий бросил быстрый и испуганный взгляд на короля. Тот молча пожал плечами и кивнул ему, приказывая растормошить рыцаря.

– Значит, вы утверждаете, что были особые бумаги, явно доказывающие причастность короля Генриха к бунту во Фландрии? – аббат буквально буравил взглядом своих колющих глаз де Леви.

Филипп понял, что сказал несколько больше того, о чем желал поделиться с ними, спешно ретировался и, изобразив растерянность, пробурчал в ответ:

– Бумаги были, но они куда-то пропали. Покойный граф, – он решил соврать, мысленно прося прощения у покойного друга, – к несчастью, с ним разговаривал лично покойный граф Гильом, так что я не знаю ни имени, ни внешности агента.

– Жаль, очень жаль... – задумчиво произнес Людовик. – А мы, признаться, так рассчитывали на вас...

Сугерий, уцепившись за фразу короля, подумал, что, надавив на эти, как ему казалось, болезненные точки, он сможет убедить Филиппа де Леви изменить свое мнение и, возможно, разговорить рыцаря, выведав еще что-нибудь:

– Неужели, мессир де Леви, покойный граф Гильом так ничего вам и не рассказал? Насколько я помню, он весьма сдружился с вами...

Филипп кивнул головой в ответ и произнес:

– Да, монсеньор, он просил меня об одной услуге...

Король и Сугерий почти хором сказали:

– О какой?..

Рыцарь выдержал паузу, посмотрел на каждого из них, после чего произнес:

– Его светлость просил меня сделать все возможное, чтобы освободить его отца, томящегося в узилище, куда его подло заточил Генрих – его младший брат-иуда! Он всерьез рассчитывал на меня, чтобы его отец надел корону Англии на свою, пусть и седую, но живую еще голову законного властителя Англии по праву первородства и старшинства в семье!..

Слова рыцаря произвели просто ураганный эффект на них. Король всплеснул руками и стал расхаживать по комнате, что-то бубня себе под нос, в Сугерий, сделавшись блее снега, растерянно хлопал глазами, но ничего не мог сказать.

Наконец, нервы Людовика не выдержали. Он подошел к рыцарю и, посмотрев ему в глаза пристально, спросил:

– Надеюсь, что это была глупая и неуместная шутка, мессир де Леви?..

Сугерий тут же пришел в себе и, часто закивав головой, поддакнул королю:

– Да! Это ведь была просто шутка?..

Филипп посмотрел на каждого из них и совершенно серьезно ответил:

– Отнюдь, ваше величество. Я поклялся и сдержу данную мною клятву любой ценой. Иначе, сами понимаете, я утрачу свою честь...

Король Людовик понял, что решимость рыцаря не наигранная, а получать такой вот подарок, когда он уже, можно сказать, прикупил братьев де Блуа, пообещав поддержку в возможном походе за короной, было уже непростительно. Ему очень не хотелось снова втягиваться в слишком уж затянувшуюся войну с графами, отвлекавшую его от более важных дел в королевстве.

Решимость же рыцаря, в случае удачного разрешения его клятвы, создавало новые проблемы, ведь сам Людовик, если можно так сказать, невольно продал и предал герцога Робера Куртгёза Генриху Английскому и позволил взять в плен, в случае провала была большая вероятность новой войны с Англией, что также создавало большие проблемы. Король Франции прекрасно понимал, что Генрих Английский не упустит такого щедрого и неожиданного подарка от него, преподнеся папе Римскому в самом неприглядном свете попытку французского рыцаря, к тому же вассала Людовика, провести в его стране диверсию.

А тут, как ни крути, можно лишиться моральной поддержки Святого престола и, что самое опасное, подвергнуться анафеме, как в свое время его покойный ныне отец Филипп Грешник, погрязший в разврате и любви к графине Бертраде де Монфор, которую тот умыкнул у ее законного супруга графа Фулька де Анжу, пусть и с ее согласия, но..

– Я приказываю вам отказаться от клятвы. Я – ваш сюзерен, помазанник Божий, и могу свою властью освободить вас от клятвы... – король решительно взглянул на де Леви.

Тот стойко выдержал взгляд короля и ответил:

– Увы, сир, это невозможно...

Здесь уже Филипп понял, что зря вообще завел разговор на эту тему, ввергая себя в такие дебри, что можно шею запросто сломать.

Сугерий вкрадчиво произнес:

– Мессир Филипп, мы весьма ценим ваши услуги, оказанные короне Франции. Полагаю, что его величество наверняка планирует щедро вознаградить своего верного слугу за те лишения, испытания и опасности, которым он подвергся на его службе...

Людовик закивал головой, рассчитывая, что обещания щедрых посулов подкупят де Леви. Филипп смекнул, что сейчас наступил именно тот удобный момент, когда можно изобразить легкое отступление, сохраняя позиции в целости и почти полной сохранности.

– Сир, я тронут и польщен... – он низко склонил голову, встал на одно колено и поцеловал руку короля, – ваша власть, как сюзерена и помазанника Божия, велика и всемогуща, а щедроты ваши уже сейчас воспеваются, сравнивая вас с Шарлеманем. Позвольте, сир, я в качестве искупления от данной мною клятвы покойному другу отправлюсь воевать в Святую землю?..

Людовик бросил быстрый взгляд на аббата, то молча кивнул головой. Король дождался, когда Филипп поднимет лицо к нему, и произнес:

– Ваше христианское раскаяние достойно уважения. Мы вознаградим вас сразу же после вашего возвращения из паломничества. – Он снова посмотрел на аббата, который показала ему пальцами красноречивый жест, намекая на деньги. Людовик крикнул и добавил. – Повелеваю сегодня же выдать вам из казны пять тысяч ливров серебром, а коли пожелаете – заемными бумагами, кои евреи-менялы, венецианцы, генуэзцы или даже византийцы с готовностью превратят в полновесные деньги в любом уголке Европы, я уж молчу о святой земле...

– Благодарю вас, сир, – Филипп, тщательно разыгрывая покорность и кротость, поцеловал руку Людовика.

– Совсем другое дело, мессир де Леви, – вставил словечко аббат. – Мы не смеем больше вас задерживать...

Рыцарь поклонился и покинул комнату, оставляя их вдвоем. Едва дверь за ним закрылась, и стихли шаги де Леви, Людовик посмотрел на аббата и сказал:

– Мой «боевой шершень», оказывается, весьма буйного и увлекающегося нрава...

Сугерий тяжело вздохнул и ответил:

– Почти, как и его отец Годфруа. Только, к счастью, тот сдурел ближе к старости, постригшись в монахи, а этого безумство охватило уже с молодости...

Людовик кисло улыбнулся и заметил:

– Только, смею тебе напомнить, что его безумие не помешало ему разгрузить мой карман на добрых пять тысяч ливров! Хорошо будет, если он возьмет серебром не всю сумму...

– Ну, простите, сир. Иначе было нельзя... – с виноватым видом ответил аббат.

– Он в руках Господних. Если возвратится, значит, его сам Господь бережет. – Ответил Людовик. – Нам тогда, дабы не прогневить Создателя, придется еще что-нибудь придумать, лишь бы усмирить строптивца...

– Это, сир, если он вернется. – Сугерий вздохнул и опустил голову.

Людовик сел и развернул пергамент, присланный ему накануне личным герольдом графа Тибо. Король стал долго водить по нему пальцем, беззвучно шевеля своими толстыми и мясистыми губами. Он поднял голову и сказал:

– Как ты думаешь, Сугерий, Тибо де Блуа не обманет нас и действительно отдаст Нормандию, едва он или его брат Этьен воцарится на престоле Эдуарда Исповедника и Кнуда Великого?..

Сугерий надул щеки и ответил:

– Сложный вопрос. Они, сами знаете, люди весьма ненадежные и своеобразные. Не зря ведь одного из их первых предков прозвали *Тибо-обманищик!*..

– Господи! Одни мошенники кругом! – громко произнес король. – Ни на кого положиться нельзя, никто слово не держит!

Сугерий хмыкнул и некстати произнес:

– Куда деваться, сир, коли и мы такие же...

Людовик побагровел и, гневно посмотрев на него, крикнул:

– Что?!..

Руан. Нормандия. Порт. 28 октября 1128г.

Филипп сидел в кормовой пристройке и молчаливо смотрел на берег Нормандии, удалявшийся от него и убегавший на юго-юго-восток. Неф медленно набирал ход, кренясь на левый борт и вздымая веселые белоснежные буруны голубых волн, вспарываемых его острым носом.

Погода была неопределенная – в любой момент мог разыграться дождь, а от него два шага было и до шторма, так часто в это время года налетавшего на *Английский канал*.

Он медленно перебирал в памяти события последних нескольких месяцев, за которые судьба так дико и жестоко перемолола его судьбу, исковеркав или погубив попутно еще сотни.

– Мессир, вы позволите мне присесть возле вас на свежем воздухе? – вежливый, но уверенный в своих силах, голос отвлек его от тяжких и горестных раздумий. Филипп поднял голову и посмотрел на человека, подошедшего к нему. Это был высокий, почти его телосложения, рыцарь с темными, словно медь, волосами. Пожалуй, только чуть моложе, чем де Леви. Филипп радушно кивнул головой и рукой пригласил его присесть возле себя, показывая на соседний свободный стул. Рыцарь сел и, расправив складки своего длинного, на нормандский манер, сюркота, представился. – Мое имя Робер. Робер Бюрдет. Нормандец... – он замаялся, понимая бедность своих одежд и окидывая взглядом черные, но сшитые из роскошной ткани, одежды соседа, – башельер...

Филипп приветливо улыбнулся и произнес:

– Филипп де Леви, сеньор де Сент-Ном. Очень приятно познакомиться...

Робер с явным облегчением вздохнул, опасаясь, что его спутник окажется обычным богатым жлобом и снобом, презирающим одноштитовых рыцарей-бедняков. Но спокойный и почти равнодушный взгляд франка, которому, как понял он, было абсолютно все равно – знатен он или беден, успокоил рыцаря.

– Я решил отправиться в Испанию, поступить в услужение к какому-нибудь знатному сеньору или, если повезет, к королю, чтобы своим мечом добыть себе славу, богатство и земли...

«Бедняга, – подумал де Леви, – такой наивный. Мечтает, как и я мечтал год назад только о славе, богатствах и замках. Надо мечтать о спокойствии, живых и здоровых друзьях...

– О! Слышу слова рыцаря! – Филипп решил немного подбодрить своего попутчика. – Признаться, мессир, я тоже собирался ехать в Святую землю, но, услышав слова такого отважного и, несомненно, благородного шевалье, меняю планы и отправляюсь вместе с вами в Испанию. – Он открытым взглядом посмотрел на Робера. – Позвольте мне составить вам компанию? Вдвоем, думаю, нам будет веселее и спокойнее...

Робер растерялся. Столь активное проявление искренних чувств франком смутило его. Он засомневался о том, не издевается ли над ним собеседник.

– Вы изволите посмеяться надо мной, мессир?.. – его рука легла на рукоять меча.

Филипп снял покрывало со столика, стоявшего возле стульев, обнажая кувшин, несколько кубков и мясо, уже успевшее остыть.

– Прошу вас, в знак моего искреннего расположения к вам, разделить со мной трапезу...

Робер сглотнул слюну, он не ел уже пару дней, питаясь лишь сухарями и экономя каждое денье.

– К моему сожалению, мессир, я вынужден отказаться. Я держу пост, а сейчас, когда мы на море... – он попытался неуклюже отговориться и оправдаться, опасаясь, что его сосед потребует разделить не только трапезу, но и плату за нее.

Филипп понял, что его рыцарь смущен и действительно беден, улыбнулся и сказал, успокаивая соседа:

– Я уже оплатил обеды, ужины и вино до самого прибытия в Испанию, так что теперь, мессир Робер, я умоляю вас составить мне компанию. Здешние порции слишком велики для меня одного, а кушать в одиночестве я не привык.

Робер обрадовался и облегченно вздохнул.

– Разве вас не сопровождают слуги, оруженосцы, конюшие?.. – он посмотрел по сторонам.

Филипп разлил вино и, усмехнувшись, ответил:

– Я решил, также как и вы, путешествовать налегке. Наказание, коему я сам себя подверг, не терпит излишеств...

Робер не стал вникать в подробности наказания, побудившего его нового знакомого отправиться в столь далекое и опасное путешествие, отломил кусок холодной баранины и, впившись в него зубами, принялся с наслаждением хрустеть. Де Леви неспешно выпил вина, подел кинжалом средних размеров кусок и присоединился к нему.

Несколько минут раздавалось бодрое чавканье, прекращаемое разве что на то, чтобы запить пряное мясо вином.

– Мессир Робер, – Филипп дождался, пока его сосед не насытится вволю, вытер жирные губы рукавом своего гамбезона и сказал. – Мессир Робер, откуда вы родом?..

– Из Нормандии, сеньор де Леви. – ответил ему нормандец.

– Нормандия большая... – де Леви попросил его рассказать о своей жизни и семье.

Робер смутился, покраснев до корней волос, но решил не обижать своего столь щедрого и радушного соседа:

– Западная Нормандия, мессир, почти на границе с *Бретанью*...

Филипп удивленно поднял брови:

– Бог мой! Это, наверное, в тех самых местах, где, если не ошибаюсь, властвовал сам легендарный Роланд, поставленный на маркизат самим Карлом Великим?!..

Робер покраснел еще гуще, кивнул и с гордостью ответил:

– Именно так, мессир Филипп...

– Прошу вас и требую, чтобы вы называли меня Филипп, опустив излишние манеры. – Филипп де Леви положил ему руку на ладонь, выказывая расположение к соседу.

Робер пожал плечами и ответил:

– Как вам будет удобно, мессир... – он запнулся. – Филипп...

– Вот и прекрасно, Робер... – кивнул ему в ответ де Леви, – вы, я полагаю, тоже не возражаете?..

– Нисколько, это честь для меня... – поклонился в ответ Робер Бюрдет.

Филипп снова разлил красное анжуйское вино по кубкам, кивком головы предложил собеседнику взять свой кубок, и сказал:

– Предлагаю тост. За великого Роланда! Вашего земляка...

– За Роланда!.. – Робер залпом выпил кубок и немного захмелел. – Вы, Филипп, даже не поверите. Но наш родовой замок расположен всего-то в двадцати лье от места, где раньше стояла деревянная башня, в которой, по поверьям, и жил сам великий Роланд!..

– Потрясающе! – подыграл ему Филипп.

– Наш род старинный, но, к несчастью для меня, бедный... – начал свой длинный рассказ Робер.

Невысокий и широкоплечий темноволосый крепыш молча наблюдал за тем, как неф медленно покидал акваторию Руанского порта, кивнул с довольным видом и направился к городу.

Он медленно прошелся по его кривым и узким улочкам, помолился на колокольню, приценился у лавочников о стоимости хлеба, вина и кур, после чего пересек базарную площадь и, толкнув низенькую стрельчатую дверцу, вошел в кособокий двухэтажный домик, одним боком развернувшегося к рынку.

Он поднялся на второй этаж, открыл дверь комнаты ключом, закрыл ее за собой на щеколду внушительных размеров, сел за стол, развернул малюсенький клочок пергамента и стал что-то выводить на нем пером, обмакивая его периодически в тушь.

Закончив свою писанину, крепыш прищурился и медленно прочитал текст, с довольным видом кивнул, зажег свечу и стал капать растопленный воск на пергамент, стараясь залить его ровным слоем, свернул его в рулон. Потом незнакомец, кряхтя, поднялся на чердак дома. Там стояла большая клетка с голубями, он вынул одного из сизарей, привязал рулончик пергамента к его ножке и, растворив окно, выпустил голубя на свободу.

Почтарь, сделав несколько кругов над домом, полетел, держа курс на север, в Англию...

ГЛАВА II.

Робер Бюрдет.

– Наш род старинный, но, к несчастью для меня, бедный... – начал свой длинный рассказ Робер. Он вздохнул и, махнув рукой, продолжил. – Предки слишком верно исполняли свой оммаж герцогам Нормандии, что почти полностью растратили имущество, земли и угоды. Остался только замок, да и он в закладе сейчас... – Робер заскрипел скулами.

– Что так? – удивился Филипп. Он посмотрел на соседа и понял, что тому трудно говорить – настолько он был расстроен. – Нет, если вы не желаете...

– Отчего же... – с напускной бравадой ответил Робер. Он уже порядком захмелел. – Вы не поверите, Филипп, но бывают честные вассалы. Дед, к примеру, сопровождал покойного короля Гильома Завоевателя, надеясь на благосклонность после покорения Англии. Но Гильом, царствие ему Небесное, оказался довольно-таки скупым и ничего деду не дал, даже забыл о компенсации...

– А я думал, что великий Гильом был щедрым королем... – поддакнул ему де Леви.

– Как бы не так!.. – завелся Робер. – Он был щедр только со своими приближенными, да и то только с теми, кто лизал его жирный зад!..

– Мне кажется, что вы немного резко высказались об умершем... – поправил его де Леви. – Мы в море, а гневить Господа, особенно в таких условиях, не стоит...

– Вы правы, Филипп... – смутился еще больше Робер. – Я отчасти не прав. Одного, правда, дальнего родича великий Гильом, все-таки, озолотил, сделав его самым сенешалем Англии!.. – Филипп вздрогнул, но не подал вида. – Род де Биго? Вы, часом, не слышали о нем?..

– Нет... – соврал Филипп, похолодев изнутри. – Не привелось...

– Жаль... – ответил Робер, – хотя, если честно, я его и сам-то ни разу не видел! Так вот, – он снова налил себе вина, отхлебнул и продолжил, – дед вернулся из славного похода несолоно хлебавши. Но, слава Богу, это только полбеда... – он грустно вздохнул, – мой отец, царствие ему Небесное, – вдохновившись религиозным одухотворением, вызвался сопровождать самого герцога Робера Куртгёза в памятный крестовый поход! Он, мне священники рассказывали – они-то врать не будут, бился плечом к плечу с герцогом, прошел все самые кровавые и страшные битвы! *Дорилея, Антиохия, Иерусалим и Аскалон!* Герцог Робер был великим воином, отважным и благородным рыцарем, честным и чистым, словно *святой Жорж!*.. – Робер с силой ударил кулаком по столу.

– Истину говорите, Робер! Герцог Куртгёз был и остается великим рыцарем и настоящим королем Англии!.. – Филипп понял, что его собеседник восхищен герцогом, вот и решил подыграть ему.

– Именно, Филипп! – Робер воскликнул, взмахивая руками, – он был настоящим христовым паломником! Он ничего не хотел в Святой земле, лишь отбить Гроб господень и вырвать его из рук неверных! Он пообещал моему отцу, что, когда они вернутся домой, Робер сделает его сенешалем западной Нормандии, вручит в лен замки, угоды и позволит распускать квадратный пеннон в сражении!..

– Великая честь для любого шевалье... – Филипп учтиво склонил голову.

– Но, к несчастью для отца и полнейшему горю для меня, – вздохнул Робер, – герцог сначала зажил в Апулии у своего тестя и жены Сибиллы, а когда вернулся, оказалось, что Нормандию и Англию самым наглейшим и вопиющим образом прикарманил его младший братец-прохиндей!..

– Это подлый поступок, я с вами полностью согласен...

Робер встал, прошелся по качающейся палубе, едва не упал, вовремя уцепившись руками в борт нефа, икнул и ответил:

– Что-то меня шатает сильно...

– Не пугайтесь, Робер, мы, все-таки, на корабле... – засмеялся Филипп.

– Я и забыл... – засмеялся в ответ нормандец. – Увлёкся рассказом...

– Если вы не против, – Филипп посмотрел на темнеющее небо, – мы можем спуститься в мою каюту, там, кстати, много места, там вы и продолжите, если хотите, свой увлекательный рассказ. Заодно, прошу вас искренне, – де Леви положил руку на сердце, – можете разделить каюту со мной до конца путешествия. Там есть свободный топчан...

Робер замялся. Филипп понял, что у него нет лишних денег и сказал, успокаивая соседа:

– Каюта оплачена полностью до прибытия в порт. Капитан не станет возражать, а одному мне скучно и тоскливо... – он искренне посмотрел в глаза нормандцу. Тот с радостью кивнул и стал собирать остатки еды, кубки и кувшины с вином. Филипп стал ему помогать.

Они спустились в каюту, расположенную в кормовой надстройке нефа. Робер сбегал в трюм и притащил пару узлов с вещами, копье, щит, бочонок с хранящейся в нем кольчугой, и шлем.

– В тесноте, да не в обиде... – поприветствовал его Филипп.

Робер быстро разложил свои небогатые пожитки, улегся на топчан и сказал:

– Вы не желаете спать, Филипп?.. – Тот отрицательно покачал головой в ответ. Нормандец обрадовался и предложил. – Хотите, я продолжу свой рассказ?..

– Окажите мне милость... – Робер зевнул и, потянувшись, поглядел на куски холодного мяса, принесенного им в каюту. Филипп заметил, что его спутник, видимо, так изголодался, что до сих пор не может унять свой желудок, и предложил рыцарю. – Не желаете ли перекусить?..

Робер с радостью закивал головой, вынул свой старенький кинжал с выщербленным лезвием и простой деревянной рукояткой, поддел им увесистый кусок, откусил, вернее сказать – проглотил его почти не жуя, запил вином, вытер губы и возобновил свой прерванный рассказ:

– На чем я остановился, простите?..

– Пленение герцога Робера... – произнес Филипп, устраиваясь поудобнее.

– Ага! Так вот, мессир, после пленения герцога Робера в Нормандии начались, как бы мягче сказать, притеснения тех сеньоров, кто поддерживал его высочество в справедливых притязаниях на корону. В их число попал, как это не трудно угадать, и мой отец. – Нормандец тяжело вздохнул, очевидно, что эти воспоминания доставляют ему сильный душевный дискомфорт. – Ни о каких, разумеется, должностях, титулах и наградах уже не могло быть и речи! Наоборот! Непонятно какими там путями, но приспешники нового короля-узурпатора откопали кучу заемных бумаг и прочей ерунды, стали оспаривать у отца права на многие земли, еще остававшиеся у нас. Короче говоря, – Робер обреченно махнул рукой, – к прошлому году у нас ничего толком не осталось, одни лишь долги, долги, долги...

Филипп приподнялся на локтях, удивленно посмотрел на него и спросил:

– Но, разве у вас не было ни единого письменного подтверждения ваших прав на земли? Может, в какой-нибудь церкви или монастыре была запись, сделанная много лет назад?..

Робер отрицательно покачал головой и ответил:

– Отец утверждал, что якобы есть или были. Но, как мы ни искали, так ничего толком и не нашли. У нас отняли все, да и в придачу к этим злосчастиям еще и долги навесили непонятно

какие! Вот я, после смерти батюшки, и продал замок, вернее сказать, оставшийся дом. Замок был уже забран за долги...

– Господи, – выдохнул Филипп, ужасаясь беспределу, творимому чиновниками-лизолюбцами Генриха. – Если бы я услышал это от вас лично – никогда бы не поверил в то, что такое возможно в христианском мире!..

– Возможно и не такое, сеньор...

– Я просил называть меня Филиппом... – поправил нормандца де Леви.

– Извините, Филипп, расчувствовался... – ответил Робер. – Они ведь, вы просто не поверите, решили и вовсе добить моего отца, в чем, кстати, и преуспели, объявив всенародно, что он, якобы, до сих пор числится сервом герцога Нормандии, так как они не видели вольной грамоты! Такой позор! А она, эта вольная грамота, клянусь честью, была! Она хранилась в Руане, в архиве герцогов, а список с нее был у нас и хранился в часовне...

– Ее, что, выкрали?.. – Филипп был просто потрясен. – Кошмар какой-то...

– Очень даже запросто, – Робер шмыгнул носом, виновато улыбнулся, развел руками в стороны и сказал. – Они потом мне прямо так и намекнули, что, мол, не станут клеймить меня, словно беглого раба, если я соберу вещички и отправлюсь в Святую землю, дабы там, они так и сказали, искупить грехи и подлости моих предков. Вот как!..

– И вы, значит, собрались в Святую землю?.. – Филипп сжал кулаки, сочувствуя нормандцу.

– Я бы, конечно, рад. – Ответил Робер. – *Иерусалимскому королю* или *князю Антиохии*, я знаю, нужны добрые мечи. Он даже жалует рыцарей феодами, но, – он грустно опустил голову, – средств, вырученных мною за дом, едва хватило на оплату морского путешествия до Испании...

– Не переживайте так, Робер! – Филипп поднялся с топчана и, присев возле нормандца, положил руку на его плечо. – Мне кажется, что господь послал меня именно для того, чтобы помочь вам снова возвратить свое доброе имя, так нечестно отнятое и поруганное злодеями и клеветниками. Будем путешествовать, и будем сражаться вместе! Вы согласны?..

Он пристально посмотрел в глаза Роберу. Тот несколько секунд колебался, после чего одобрительно кивнул ему в ответ и улыбнулся.

– Спасибо, Филипп...

– Пока, Робер, меня не стоит благодарить... – смутился де Леви. – Наша с тобой задача – вернуть былую славу и гордость твоей фамилии! И, поверь, о ней снова заговорят, причем, с восхищением...

– Дай-то, Бог... – перекрестился нормандец, успевший привязаться к французскому рыцарю всей душой. Его юношеское сердце было таким чистым и могло так чутко улавливать обман, но в эти минуты он молчал, не ощущая тревоги, и билось от радости...

Ровно через сутки на стол Гуго де Биго легла записка, отправленная с голубиной почтой неизвестным темноволосым крепышом. Он осторожно развернул ее, пробежал глазами текст и тихо произнес:

– Вот, скотина. Он уплыл в Испанию с каким-то нормандским рыцарем. Вот судьба-злодейка! Агенту так и не удалось сесть на судно вместе с ними, теперь будет догонять их на ближайшем корабле... – Гуго еще раз прочитал имя и фамилию нормандца, задумался и, улыбувшись, присвистнул. – Господи! Это судьба. Робер Бюрдет, если не ошибаюсь, мой дальний родич... – он напряг память, тяжело вздохнул и, скомкав пергамент, швырнул его в камин. – Жаль, что я ни разу не видел его, как собственно и самого де Леви. Агент написал, что и сам едва рассмотрел франка – рыжеволосый, ростом под туаза, или чуть меньше. И все... – Гуго тяжело вздохнул, ударил кулаком по столу, – таких рыжеволосых рыцарей, пожалуй, полно в Европе... – Гуго снова всмотрелся в пергамент и обрадовано хлопнул себя по колену. – Все

верно! Агент, как я и запланировал, отправляется следующим кораблем и попыбует отыскать де Леви в Испании. Гибель франка на чужбине не вызовет лишних подозрений, там воюют с неверными – смерть там вполне обыденная вещь...

Он встал, подошел к пылающему камину и, скомкав маленький кусок пергамента, швырнул его в огонь. Пламя мгновенно поглотило этот жалкий скомканный листок...

Гуго потянулся, зевнул, почесал лопатку – надо было уже давно помыться, но он всегда ленился, оттягивая это удовольствие до последнего, пока, как говорится, не приспичит. Пока он не начнет так «благоухать», что даже король Генрих, который после смерти своего сына и наследника в море стал всячески пренебрегать мыльней, не начинал фыркать и коситься на него, как на зачумленного.

Биго с довольным видом посмотрел на потолок, ухмыльнулся и, потеряв руки, направился к королю. Филипп де Леви стал для него отыгранной фигурой, чья смерть была лишь оттянута временем.

Он еще не знал, да и никогда уже не узнает об исполнении задания. Его агент вышел в море только через два дня – бушевал шторм, превративший Ла-Манш в жуткую и адскую мешанину. Он большим трудом сумел нанять легкий рыбацкий корабль, которому удалось обмануть судьбу и проскочить пролив, но сразу же за Бретанью попасть в жуткий ураган и потонуть в бурных и беспокойных водах Бискайского залива...

Почти неделю пути, разделявшего Руан от маленьких северных портов Испании, рыцари общались между собой и практически не выходили из каюты, разве что по нужде или для пополнения запаса еды и питья.

Слава Богу, что шторма они так и не застали. Резкие порывы юго-западного ветра отнесли его севернее. Правда, из-за этого ветра нефу приходилось то и дело закладывать широкие галсы, отчего частенько скрипел *такелаж*, да противно, с завываниями, трещала обшивка судна.

Но рыцари – все-таки молодость и здоровье их крепких организмов сыграли важную роль – уже к исходу второго дня пути почти перестали обращать внимание на небольшую болтанку.

Робер, вволю наевшись и утолив свой звериный голод, все-таки он толком и нормально не ел почти десять дней, дожидаясь отправки нефа в Испанию, практически без умолку рассказывал о своей жизни в Нормандии, не упустив ни малейшей подробности.

Филипп с нескрываемым интересом слушал немного сбивчивый, но достаточно красочный и живой рассказ товарища по путешествию, запоминая имена родителей, предков и всевозможные моменты из жизни рода Бюрдет. Он, нет-нет, но иногда прерывал повествование спутника, задавая уточняющие вопросы, послушно кивал головой и даже спорил, особенно в тех местах рассказа, где затрагивались взаимоотношения Нормандии с Францией. Здесь, как ни крути, а срабатывал уже въевшийся во франка рефлекс – король всегда прав и за него надо стоять горой. Хотя, в эти моменты де Леви особенно остро и пронзительно ощущал внутреннюю душевную напряженность, ведь и его Людовик, хоть и помазанник Божий, а грубо и неприкрыто использовал, морально переломал и, в конце концов, практически открыто запретил исполнять клятву, данную им над телом Клитона.

Он сжимал зубы и отводил глаза в сторону, словно боялся, как бы норманец не увидел его внутренний душевный раздрай, царивший в самой глубине его сердца...

Так прошли еще несколько дней пути...

Когда же Робер, смутившись, попросил Филиппа немного рассказать о себе, де Леви долго отнекивался, но, не устояв перед искренними взглядами соседа по каюте, сдался, правда, решил все-таки рассказать о себе лишь отчасти. Его тяготило прошлое, да и на Робера могло отрицательно подействовать услышанное, ведь, как ни крути, а именно он был возле молодого

герцога в минуту его смерти, именно он мог попытаться заслонить собой тело Гильома и принять этот проклятый арбалетный болт на себя. Но...

– Я тоже, можно сказать, родился в очень простой и скромной семье... – Филипп долго пытался, прежде чем смог начать свой рассказ, – мой отец сейчас монах. Мне трудно объяснить, что подвигло батюшку оставить свет и уйти в монастырь, но... – он снова вздохнул, – Бог ему судья. Сейчас он, – Филипп запнулся, отвел глаза в сторону, словно смущаясь слушателя, – он сейчас епископ в Шартре...

Робер даже подскочил от неожиданности, всплеснул руками и громко крикнул:

– Все! Я знаю! Вернее сказать – я слышал о нем! Это же монсеньор Годфруа де Леви! Святой рыцарь!.. – Нормандец с восхищением стал трясти руку Филиппа. – Даже у нас, в Нормандии, уж насколько мы, если быть честными, недолюбливаем франков и короля Людовика, очень уважают этого сеньора!

– Право, не стоит... – Филипп высвободил руку из его крепкого хвата. – Мой отец, всего лишь...

– Всего лишь рыцарь, нашедший Господа! – вставил Робер. – У нас до сих пор ходят легенды о том, как он вынес на руках тело убитого друга! Даже сам король Генрих, этот подлый узурпатор, – Робер презрительно передернулся, – и тот возымел стыд, взял, да и остановил ход сражения под Бремюлем!.. – он весело подмигнул де Леви. – Согласись, а ведь мы здорово надрали вам зад тогда, а?..

– Я не участвовал в этом сражении... – попытался отговориться де Леви.

– Ой, прости меня, если я чего-то лишнего сказал... – стушевался Бюрдет. – Сам не пойму, с какого перепуга я возрадовался победе Генриха...

– Ерунда, Робер... – Филипп улыбнулся. Ему импонировала почти детская искренность нормандца, сохранившего способность на чистые и несдержанные эмоции. – Я нисколько не обиделся. Так вот, – он продолжил свой рассказ, – детство своё я провел в небольшом, но очень крепком, почти неприступном замке в Иль-де-Франсе. Местечко Сент-Ном. Не слышал? – Робер отрицательно покачал головой. Этого и следовало ожидать, Филипп усмехнулся, – совсем тихое местечко, окруженное лесами...

– Кабанов, наверное, полно... – задумчиво произнес Робер., – да и оленей тоже...

– Верно! – Франк хлопнул его по плечу, – как вернемся, сразу же ко мне! Милости прошу! Такая, брат, охота! Закачаешься!..

– С превеликим удовольствием, Филипп! – Робер радостно кивнул головой.

Де Леви машинально кивнул в ответ, посмотрел в окно, откуда открывался прекрасный вид на слегка волнующееся море, вздохнул и продолжил:

– Потом я служил во Фландрии вместе с покойным графом Гильомом Клитоном...

Услышав это имя, Робер вскочил, да так резко и быстро, что сильно ударился головой о балку судна, на которую опирался потолок их небольшой, но весьма уютной каюты.

– Матерь Божья... – потирая ушибленное место на голове, произнес Бюрдет. Он сел, продолжая массировать место ушиба, его глаза были так широко распахнуты, что казалось – они вот-вот выскочат из орбит. – Так вы тот самый «боевой шмель»?! Это вы командовали тяжелой феодальной конницей его светлости?!..

Филипп смутился и с виноватым видом развел руки – мол, всякое бывало.

– Кем только меня не обзывали! И «осой», и «шершнем»... – он вздохнул и опустил голову. Потом резко поднял ее и, глядя в глаза товарищу, произнес. – Единственное, что могу сказать четко, – де Леви с трудом сдерживал слезы, готовые нахлынуть на его глаза, – я именно тот человек, который не сумел отвести роковую стрелу от тела графа Гильома...

Он встал, повернулся спиной к Бюрдету и, подойдя к окну каюты нефа, уставился на безбрежную синеву моря, покрытого мелкими серебристо-белыми барашками волн. Голубое

и величественное безмолвие, окружавшее корабль со всех сторон, делало все, что он пережил и о чем вспоминал, таким мелким и неважным в сравнении с этим величием природы.

Робер поднялся и подошел к нему.

– Это твоя епитимья? Верно?..

Филипп не стал спорить и рассказывать ему о том, как король почти предал его и практически в открытую запретил исполнять клятву. Это незачем было знать нормандцу.

– Угадал... – он с большим трудом улыбнулся, вернее – натянул некое подобие улыбки на лицо. – Пойду, пожалуй, пройду по верхней палубе...

– Да-да, конечно... – Бюрдет понимал, что его товарища надо оставить в покое и больше не терзать его все еще не затянувшиеся и болезненные душевные раны.

Филипп немного прогулялся по палубе, кутаясь в меховой плащ под резкими порывами юго-западного встречного ветра и наблюдая за резкими и широкими галсами суда, продирающегося к югу, несмотря на встречный ветер.

Он вышел на корму и уселся на стул, намертво закрепленный большими гвоздями с проржавевшими шляпками к доскам палубы, плотно закутался в плащ, выставив ветру только кончик носа, согрелся и, сам того не заметив, погрузился в воспоминания о последних месяцах, проведенных в Париже...

ГЛАВА III.

Принцесса Констанс.

25 сентября 1128г. Париж. Королевский дворец.

Он шел, громко стуча шпорами по старым и истертым плитам коридора королевского дворца. Раздражению не было предела. То, что и каким тоном сказал ему король, просто поразило его, перевернуло в его голове все вверх ногами, перемешало все в его голове...

– Оставьте эти пустые и бредовые затеи, мессир де Леви! – именно так и ответил Людовик, услышав от него о клятве освободить из тюрьмы герцога Робера Куртгёза. – Мало ли, какие клятвы можно сдуру дать над телом боевого друга! Если, вот так, каждый начнет клятвы раздавать направо, – король взмахнул руками, напоминая своим жестом большого и толстого пингвина (правда, они еще не знали об их существовании). – Европа утонет в кровавом месиве! Забудьте, – Людовик неотрывным взглядом своих тяжелых и холодных глаз посмотрел на рыцаря, – забудьте об этом, вы – мой вассал! Не пристало еще спорить с вассалом! – Он резко ударил кулаком по столу и крикнул. – Вам стоит выбросить из головы эту глупость и приступить к своим обязанностям! – Филипп исподлюбья посмотрел на него. Король удивился его волчьему взгляду, вскинул брови и произнес. – Ба! Мы уже научились зубы показывать...

Филипп учтиво поклонился королю и ответил:

– Жизнь научила, сир...

Людовик молча посмотрел на него, смерил с головы до ног, усмехнулся и, переведя взгляд на Сугерия, сквозь зубы произнес:

– Вот и обласкай невежу...

Сугерий что-то хмыкнул в ответ и коршуном посмотрел на Филиппа.

– Мессир рыцарь! – Он вскочил со стула и подбежал к Филиппу. Тщедушный и маленький, он едва доходил до плеча де Леви. Для придания убедительности своим словам, аббат стал отчаянно жестикулировать, пытаясь помочь своими суетливыми жестами в доведении мысли короля. – Филипп! Вы должны понять, зарубить себе на носу – воля сюзерена это закон для вассала! Его величество беспокоится за вас, ведь вы ему, почти как сын родной. Он вас облас-

кал, приблизил к своему дому, познакомил с молодым, – он запнулся, – с покойным ныне герцогом Гильомом, *вы поправились его дочери!* А вы?!..

Филипп отшатнулся. Это был удар ниже пояса, удар мастерский, нанесенный опытным бойцом, именно тогда, когда и положено было нанести. Де Леви молча захлопал глазами и сделал шаг назад, словно защищаясь от атаки Сугерия. Людовик, молча наблюдавший за ними, встал и, желая изобразить из себя сердобольного и довольного монарха, подошел к рыцарю, положил ему свою большую, словно лопата, ладонь на плечо и сказал:

– Не мучьте себя и уважьте мои седины. Я могу избавить вас от данной клятвы. – Он бросил быстрый взгляд на аббата, тот молча кивнул. Людовик приосанился и добавил. – Божьей волей и по моему велению снимаю с вас, мессир де Леви и де Сент-Ном, клятву и полагаю, что отныне вы чисты перед Господом – нашим Творцом.

Только сейчас до Филиппа дошло, в какую изощренную ловушку он попал. Напоминание о несбыточной мечте – возможной женитьбе на дочери короля, молодой и прекрасной Констанс, выбило его из седла и превратило в жалкого и безвольного человека, недостойного того, чтобы называться рыцарем и вообще – честным человеком...

Но холодный взгляд Людовика и колкие бегающие глазки его всесильного министра насторожили рыцаря. Филипп решил не отказываться от своей клятвы.

– Я признаю свои заблуждения, сир... – он опустил голову и встал на одно колено перед Людовиком. – Позвольте мне искупить вину и наложить на себя епитимью, отправившись в Святую землю...

Они переглянулись. Король с явным облегчением вздохнул и кивнул головой. Сугерий едва сдерживал улыбку змеи.

– Раз вы повторно настаиваете, тогда извольте, мессир де Леви. Мы еще в тот раз распорядились, дабы вам выдали из казны приличную сумму. Негоже королевскому «боевому шершню» терпеть лишения.

– Ваша щедрость безгранична, сир... – Филипп, с трудом сдерживая закипающие эмоции, прикоснулся губами к руке короля.

– Ступайте...

Рыцарь учтиво поклонился и вышел из комнаты, оставив короля и его канцлера вдвоем. Он машинально шел по низкому со сводчатыми потолками и освящаемыми чадящими факела коридору дворца на острове Ситэ в Париже погруженный целиком и полностью в свои мысли

Кто-то окликнул рыцаря. Филипп остановился и, понял, что покинул покои короля в таком сильном смятии и даже не заметил, как прошел по коридору из одного конца до другого, почти до дверей покоев принцессы Констанс. Это была она.

– Мессир Филипп, – нежный, словно небесный голосок молодой девушки, как ушат холодной воды, привел его в чувство. – Куда вы так спешите? Вы, право, чуть было не сбили меня на пол...

Он неуклюже поклонился и, покраснев, ответил:

– Простите, ваше королевское высочество...

Констанс удивленно посмотрела на него, ничего не поняла и обиженно надула свои прелестные пухлые губки:

– Почему вы такой!..

Филипп посмотрел на нее:

– Принцесса, я не понимаю...

– Это я ничего не могу понять, Филипп. – Его имя она произнесла с таким чувственным придыханием, что у рыцаря закружилась голова от нахлынувших чувств. – Вы такой странный сегодня... – она часто заморгала своими длинными и пушистыми ресницами. – У вас что-то стряслось?..

Филипп обомлел. Ее нежный и искренний голос, словно освежающий ручеек проникал к нему в сердце.

– Простите, Констанс... – он упал на одно колено перед ней и прикоснулся губами к ее маленькой ручке. – Простите мне мою неловкость...

Она растерянно посмотрела по сторонам, в окно, улыбнулась и быстро коснулась пальцами до его волос, отдернула руку.

– Вы прямо какой-то странный сегодня. Вас, надеюсь, не мой батюшка обидел?..

– Нет-нет, что вы... – он опустил глаза, боясь, что она сможет прочесть в них его ложь. – Нисколько. Я уезжаю...

Она побледнела, ойкнула и, прикрыв губы рукой, часто-часто заморгала глазами, пытаясь сдержать набегающие слезы.

– Как же так... – ее голос дрожал, каждый звук трепетно и нежно касался души и сердца рыцаря, заставляя его замирать и биться учащенно, отдаваясь колокольным набатом к голове. – Вы только-только вернулись домой... – она резко отвернулась от него и украдкой вытерла слезы. – Вы! Вы... – она снова повернулась – ее лицо покраснелось, щеки пылали, а большие прелестные глаза были полны слез, – вы неотесанный мужлан! Чурбан бессердечный! Вот вы кто! Так же нельзя...

Она инстинктивно припала к его груди. Филипп онемел от неожиданности. Он не находил слов в свое оправдание, только шумно сопел, выпуская воздух ноздрями.

Принцесса Констанс вскинула голову и тихо прошептала:

– Не надо. Не уезжай...

Он напрягся, собирая все силы в кулак и пытаясь трезво и реально смотреть на мир, жестокость, бессердечие и цинизм которого окружали рыцаря со всех сторон, вздохнул и ответил:

– Констанс, я вынужден уехать...

– Бессердечный чурбан... – она фыркнула и, надув обиженно губки, отстранилась от него, сделала шаг в сторону, но снова развернулась и, умоляюще глядя ему в глаза, тихо сказала. – Придите сегодня ко мне вечером. Я имею обыкновение прогуливаться перед сном в саду, что с тыльной стороны дворца. Надеюсь, ваше путешествие может обождать до утра завтрашнего дня?..

– Да... – он поклонился и пошел по коридору...

Когда он вышел из комнаты короля, Людовик раздраженно посмотрел на Сугерия, топнул ногой и произнес:

– Вот, скажи мне на милость, что мне делать с такими вот вассалами, упертыми и настырными! Клятвы им, понимаешь, надо исполнять!..

Сугерий отвел глаза и виноватым голосом ответил:

– Сир, на мой взгляд, мальчик слишком уж близко к сердцу принял смерть молодого Гильома. Сами себя вспомните...

Король усмехнулся и ответил, глядя в окно:

– Ты говори-говори, да не заговаривайся! Одно дело – помазанник Божий, а другое дело – рыцарь, чей отец был моим сервом!..

Аббат кашлянул в кулак, потер нос и, хмурясь, сказал:

– Луи, не надо так жестоко говорить о тех людях, кто верой и правдой служил вам и короне Франции. Во всем, что случилось с его отцом, да и с молодым Филиппом, виноваты мы оба...

– И, все-таки, жаль парня... – уже мягче произнес король. Он повернул голову, изобразил на своем лице разочарование, и, глядя в глаза Сугерию, прибавил. – Лишь бы он в дурь окончательно не впал. Пусть убирается в крестовый поход к чертовой матери!..

Сугерий перекрестился:

– Луи, вам, случаем, не жаль еще одну переломанную и исковерканную душу?..

Людovic подпер рукой подбородок, задумался и ответил:

– Нет, если это касается дела короны Франции. Я буду делать все, лишь бы Нормандия оказалась под моим скипетром ...

Сугерий встал, поклонился и ответил:

– Господь вам судья, ваше величество.

Людovic сделался мрачнее тучи, побагровел и, сверкнув глазами, сказал:

– Перед творцом я, как-нибудь, отвечу. Надеюсь, что мои потомки поймут меня... – он замялся и, подумав, добавил, – когда-нибудь.

– Тогда, с вашего позволения, я осмелюсь вас спросить...

Людovic выдохнул, почесал затылок:

– Спрашивай... – он поднял глаза и уставился в потолок.

– Ваша дочь Констанс, насколько я могу судить, влюблена в молодого де Леви. – Людovic усмехнулся в ответ. Сугерий сделался предельно серьезным, неотрывно посмотрел в глаза королю и продолжил. – Вы же, насколько мне не изменяет память, сами как-то обмолвились о помолвке...

– Что?! – Людovic покраснел и надул щеки. – Ты, часом, не сошел ли с ума?! Моя дочь?! За какого-то там мелкопоместного рыцаря?!..

– Но ведь вы сами привели в пример покойного Ангеррана де Шомона, за сына которого вы выдали свою незаконнорожденную дочь Изабель...

– Ха! – Оскалился король. – Подумаешь! Выдал бастрядку за дурачка, папаша которого с радости так накуролесил в Нормандии, что о нем до сих пор там без дрожи и не вспоминают!..

Сугерий закрыл рукой рот и удивленно посмотрел на Людовика. Таким безжалостным, черствым и бессердечным он его еще ни разу в жизни не видел.

– Да... – произнес аббат, – время, все-таки, удивительная штука...

– Это ты о чем, Сугерий? – Король поднял вверх брови. – Что-то ты загадочно поешь...

– Это так, пустое, сир... – Сугерий испугался, как бы король не перенес всю свою злость на него, встал, суетливо стал поправлять складки на сутане, опустил глаза и прошептал. – Пойду я, пожалуй, надо еще казначею распоряжения передать...

– Вот-вот, ступай от греха подальше. – Людovic широко расставил ноги и исподлобья посмотрел на него...

Вечером того же дня Филипп сидел в маленькой комнатке дворца и упаковывал свои пожитки по небольшим кожаным дорожным мешкам. Он разделил пять тысяч ливров серебром на две части, сложил их в крепкие кожаные мешочки, которые засунул в дорожные котомки с вещами.

Наступал тихий и теплый осенний вечер. Нежные и приятные дуновения ветерка приятно щекотали волосы на затылке. Филипп взял в руки сложенную рубаху и, улыбнулся, вспомнив о матери. Он отчетливо представил ее сидящей возле камина за вышиванием. Глаза скользнули по вышитому воротнику рубахи. «Да, это ее руки... – он грустно вздохнул, перекрестился, и, засунув рубаху в мешок, стал затягивать крепкие кожаные ремешки. – Господи, надеюсь, она сейчас подле тебя...»

В это время в комнату шумно вошел, вернее сказать – вбежал Матье де Бомон, его старый приятель и, по совместительству, сосед. Юноша был ужасно возбужден.

Матье подбежал к Филиппу, плюхнулся рядом с ним на кровать и спросил:

– Это правда?..

– Что? – Филипп поднял глаза и посмотрел на друга.

Матье надул щеки, шумно выпустил воздух и произнес:

– То, что ты уматываешь в какой-то там крестовый поход?!

– А-а-а, ты об этом... – с явной неохотой ответил де Леви. – Да, такова цена, которую я должен заплатить...

Матье еще больше удивился. Он захлопал своими длинными ресницами, раскрыл рот, но сдержался, промолчал и, посмотрев на друга, все-таки спросил:

– Ты все еще переживаешь?..

– Гильом мне был как брат... – ответил де Леви. – Знаешь, ведь я видел того арбалетчика, даже потянулся к герцогу, пытаясь прикрыть его своим телом, но чуть не упал...

– Не оправдывайся, – Матье вздохнул и положил ему руку на плечо и попытался, как мог, утешить, – судьбе, видимо, так было угодно...

Филипп, знавший гораздо больше де Бомона, хотел, было, возразить, но не стал этого делать. Вместо этого он сказал:

– Да, с судьбой не поспоришь...

Эх, если бы он мог все рассказать Матье! Рассказать о том, что стало известно ему. О том, что король Франции почти с самого начала знал, чем это может закончиться! Он представил реакцию благородного де Бомона, как тот вскакивает, машет руками, отчаянно жестикулирует и сыпет направо и налево отборнейшим матом! Но он решил, что Матье незачем знать эти, мягко говоря, щекотливые и мрачные подробности.

Матье тем временем загадочно улыбнулся и, нарочито безразличным голосом, да еще зевая при этом, произнес:

– Я тут случайно увидел её королевское высочество... – Он бросил хитрый взгляд на Филиппа, – она вышла погулять в сад. Место там тихое и спокойное. – Он снова с хитрецей посмотрел на друга – де Леви покраснел до коней волос. – Как раз возле стены Хлодвига есть такая маленькая, но весьма уютная беседка...

Филипп засмеялся и ответил:

– Ну, знаешь ли!..

– Да ладно тебе. Филипп! – де Бомон весело засмеялся и хитро подмигнул ему. – Я, как раз, буду в охране дворца, так что не тушуйся...

Де Леви гневно нахмурил брови, но не смог удержаться от смеха, уж больно гримаса на лице де Бомона была хитрой и умильной, как у мартовского кота.

– Откуда ты знаешь обо мне и принцессе Констанс?..

Матье развел руками в стороны, мол, итак все давным-давно ясно, и произнес:

– Господи! Да после твоего триумфа на турнире, когда ты там можно сказать всех практически в паштет превратил и особенно, когда ты ее проводил во дворец по приказу короля, все только об этом и судачили...

– Глупость и бред... – отрезал де Леви. – Мало ли, что я проводил ее, – он запнулся, – вообще-то, если быть честным до конца, я провожал не принцессу, а ее отца...

– Бог ты мой! – Матье всплеснул руками. – А кто-то мне сказал, что сам король что-то там пообещал кому-то... – его загадочный вид так умилил Филиппа, что тот снова прыснул со смеху. Де Бомон с присущей ему игривостью заметил. – Наплюй на его слова, Филипп. Король у нас, к несчастью, слишком часто стал давать несбыточные обещания...

То, с какой легкостью он это сказал, еще раз подтвердило решение Филиппа покинуть Париж, Францию и на некоторое время исчезнуть, сгинуть от посторонних и назойливых глаз, чтобы потом спокойно и методично исполнить обещание, данное покойному Клитону. Он уже давно для себя решил, что освободит его отца, что бы это ему ни стоило, пусть даже ценой своей жизни, но не бесчестия.

– Честь можно так легко потерять... – почему-то вслух произнес он.

Матье принял его слова с веселостью, хмыкнул и, заговорщицки подмигнув ему, сказал:

– Вот-вот, я как раз буду охранять покои королевского сектора со второй смены стражи до четвертой... – он еще раз подмигнул ему. – У тебя будет порядочно времени, друг мой...

– С чего это ты решил, что я сегодня пойду к принцессе?.. – Филипп удивленно посмотрел на него.

– Ты же сам только что сказал... – де Бомон опешил и растерянно посмотрел на друга.

– Да ничего я не говорил! – огрызнулся де Леви.

– А я слышал, как ты сказал про потерю чести... – закатив к небу свои игривые глаза, произнес с ослепительной улыбкой Матье. – А Констанс, как ни крути, девица...

– Перестань! – Филипп засмеялся и попытался толкнуть, но по-дружески, де Бомона.

Тот резко отпрыгнул и, вертясь по комнате, затараторил:

– Девица, девица, девица... – он снова подмигнул ему, – вперед и копье наперевес!..

– Ладно, – Филипп понял, что товарищ его не уговорит, – только замолчи, умоляю...

Матье мигом успокоился, правда, снова подмигнул ему и сказал:

– С десяти вечера до двух ночи... – он понял, что сейчас уж точно схлопочет от Филиппа подзатыльник, раскрыл дверь комнаты и, покидая ее, прямо на пороге повторил. – С десяти до двух, не забудь!..

– Ух, я тебя!.. – де Леви подыграл ему, вскакивая с постели и устремляясь за де Бомоном.

Матье выскочил из комнаты в коридор, снова развернулся и, понижая голос, повторил:

– С десяти до двух...

Филипп засмеялся, кивнул ему в ответ и закрыл дверь. Он прошелся по комнате. Слова Матье запали ему в душу. Тем не менее, он беспокоился, но не за себя, а за принцессу, которая могла, чего доброго, надеть глупостей и осложнить жизнь себе, а что будет с ним самим...

Он присел на край постели и задумался. Честь не позволяла ему переступить через чувства, но эти же самые чувства толкали его на безумства. В голове промелькнула сумасшедшая мысль – что если не упираться набегающим на него чувствам, пуститься по течению жизни, а потом прийти к королю и с повинной головой, раскаться, все рассказать и во всем сознаться. Он же, как никак, отец! Не станет же он казнить его и проклинять дочь?!

Хотя...

Тут Филипп вздрогнул. Людовик сильно изменился, причем, не в лучшую сторону. Об этом многие, знавшие его ранее, говорили, правда, тихо и полупшепотом. Власть сильно меняет человека, портит и коверкает его до неузнаваемости. А сколько было примеров, когда таких же, как он, казнили за покушение на королевскую честь...

Де Леви встал и снова прошелся по комнате, подошел к окну и, высунувшись, вдохнул теплый осенний воздух, напоенный ароматами спелых яблок, росших в королевском саду. Голова немного закружилась, ему стало тепло и приятно, а в голове снова промелькнула коварная мысль, пронзившая его мозг яркой вспышкой молнии.

«Это же вариант! – громкий голос, звучавший внутри его головы, наполнил его сознание. – Тебя проклянет король! Ты станешь изгоем, на тебя всем станет наплевать! Ты сможешь уехать далеко-далеко, отсидеться, возможно, изменить свое имя и судьбу. А потом, когда все о тебе забудут и даже похоронят в своей памяти, ты сможешь исполнить клятву, данную Гильому! Лучше в душе своей знать, что ты честен, чем слышать от окружающих, но знать, что ты – бесчестен и забыл о воле покойного друга».

А Констанс? Как же она?..

Филипп почесал подбородок и улыбнулся. Не исключался вариант, что ее отец, король, смилостивится и выдаст ее замуж за него. Тогда...

– Бред и ахинея... – плюнул на пол де Леви. – Король у нас витает в облаках и думает только о своей выгоде. Я должен пойти к ней, объясниться, вымолить прощение и со спокойной совестью уехать...

Констанс медленно прогуливалась по тенистым аллеям. Шлейф ее платья был игриво наброшен на локоть, но, все-таки, соответствовал понятиям приличия и этики того времени – ножек и туфель не было видно. Она прислушивалась к шорохам, издаваемым камешками, шевелившимися под ее ножками. В руке она держала свежесрезанную розу, от ее крупного и пышного бутона шел такой упоительный аромат, что слегка кружилась голова. Настроение у Констанс было превосходным и тому были причины – Матье де Бомон, один из рыцарей и командиров королевской охраны, словно походя обмолвился ей о том, что некий предмет сегодня придет в сад для встречи с неизвестной особой. То, с каким видом это сказал Матье, можно было и не сомневаться. Его изощренная мимика, закатывание глаз и томность вздохов была притчей во языцех.

Принцесса прошла в самый отдаленный и тихий уголок сада, дорожка здесь изгибалась вдоль больших кустов дикого шиповника, посаженного, по преданию, самой Анной Киевской – ее прабабушкой. Шиповник разросся и никем не окультуренный практически полностью закрывал эту часть сада от посторонних глаз. Маленькая, но красивая и уютная беседка расположилась сразу за зарослями этого красивого растения.

Старая каменная кладка беседки местами была полностью покрыта мхом, колонны ее затянули многолетние виноградные лозы, гроздья темных и спелых ягод нависали отовсюду и наполняли беседку невероятной гаммой ароматов.

Констанс вошла внутрь и заметила большую и довольно-таки широкую каменную скамью, изготовленную грубо из здоровенного куска посеревшего от времени мрамора.

Девушка присела на краешек большой скамьи, поднесла к носу розу и вдохнула ее нежный аромат. Мысли ее были заняты Филиппом де Леви, в голове так и крутились слова ее отца, оброненные им более года назад на турнире: «Смотри, дочка, каков молодец! Чем не жених тебе...».

Она фыркнула и жеманно повела плечиком, но все-таки бросила быстрый взгляд на красивого и статного юношу, со всей учтивостью склонившего свою голову перед трибуной, на которой сидел король Франции со своим многочисленным семейством и знатнейшими сеньорами домена.

Высокий, рыжеволосый гигант показался ей обычным худородным выскочкой, но его открытый и смелый взгляд, лучистость голубых глаз сразу же привлекли внимание Констанс. Она стала следить за каждым его поединком и настолько увлеклась, что несколько раз вскакивала со скамьи и испуганно вскрикивала, когда ей казалось, что юношу могут выбить из седла соперники. Казалось, что и он почувствовал ее переживания, а ее мысли и мольбы, адресованные к Господу и Деве Марии, придавали ему дополнительные силы и служили еще одним щитом, закрывавшим его от ударов копий соперников-поединщиков.

И когда он стал выигрывать у одного за другим, когда вышиб из седла самого графа Стефана, его еще звали Этьенном, младшего брата могущественнейшего Тибо де Блуа, Констанс поняла, что сама судьба неслучайно свела его с ней. А уж когда отец, непонятно почему избивший больного посреди турнира, в самом его разгаре и кульминации, приказал молодому рыцарю сопроводить его до дворца, а ее, юную и дрожащую от волнения, усадил на коня рядом с де Леви, сердце Констанс покорилося неведомой доселе силе...

Она оторвалась от своих теплых и трогательных воспоминаний, услышала скрип камешков, коими были в изобилии посыпаны дорожки сада, подняла голову и увидела его...

– Добрый вечер, ваше королевское высочество... – Филипп, как мог, сдерживал свои чувства и постарался произнести слова приветствия наиболее отстраненным, холодным и вежливым тоном. Но его голос все-таки дрогнул, придав им несказанную теплоту и нежность. – Добрый вечер, Констанс...

Она улыбнулась, снова поднесла к носу розу, вдохнула ее одурманивающий запах, и медленно взмахнула своими длинными пушистыми ресницами, после чего ответила:

– Я очень рада, Филипп... – Он пошатнулся, словно от мощного удара, ее нежный голос разрушал все его защиты, лишал способности здраво мыслить и напрочь убивал все его планы наговорить всякой чуши, разругаться и, таким образом, получить возможность, пусть и призрачную, но оставить мысли о принцессе. Констанс словно почувствовала это, протянула свою нежную ручку и сказала. – Не будьте же таким невежей... Присаживайтесь.

Филипп неуклюже, словно большой и косолапый медведь, прикоснулся губами к ее нежной и пахнущей благовониями ручке. Ее нежная и тонкая, словно пергамент, кожа была настолько восхитительна, что у него снова закружилась голова. Он буквально упал рядом с ней на скамью...

ГЛАВА IV.

Сантандер. Еврей Исаак.

4 ноября 1128г. Сантандер. Северная Испания. Порт.

– Филипп, проснитесь! – де Леви очнулся, открыл глаза, зевнул и увидел перед собой встревоженное лицо Робера. – Мы возле входа в порт Сантандера! Видите, вон на горе стоит большой монастырь, обнесенный стеной и защищающий городок! – Он посмотрел по направлению руки Робера и рассмотрел сквозь разлетающийся утренний туман массивное укрепление, над башнями и колокольнями которого виднелись огромные кресты.

– Я, что, здесь прямо и заснул?.. – зевая, спросил он у нормандца.

– Ага... – улыбаясь, кивнул тот. – Вчера мы с вами малость перебрали, вот вы и задремали на палубе... – он восхищенно покачал головой. – Отдаю должное вашему здоровью. В такую мерзкую погоду вы можете спокойно спать на открытом воздухе, едва прикрывшись походным плащом...

– Так он меховой... – пожал плечами Филипп. – Тепло...

– Да уж... – опять восхитился нормандец. – Прямо как паладины Карла Великого...

– Спасибо за сравнение... – де Леви встал, сбросил с себя плащ, потянулся, расправляя затекшие конечности, похрустел суставами и позвонками, подошел к бортику нефа и посмотрел в сторону берега. Неф медленно входил в большую и удобную гавань Сантандера, опустив почти все паруса, кроме бушпритного. – Говорят, что прямо здесь и вербуют...

– Кто? Кого вербуют?.. – переспросил Робер.

Филипп посмотрел на него, похлопал по плечу и ответил:

– Приезжие зазывали вербуют здесь крестоносцев и воинов. Предлагая им горы золотые и спасение души! – с плохо скрываемой язвительностью ответил Филипп. – Тут ты увидишь море флагов, гербов и щитов. Смотри, не растеряйся... – он сделался серьезным. – Сначала нам надо будет купить лошадей и всю необходимую амуницию, нанять оруженосцев, конюхов, стрелков, а уж потом решать, к кому и зачем ехать. Понял?..

– Понял, – Робер мигом сделался серым. Его лицо погрузнело и вытянулось.

Филипп заметил эту разительную перемену настроения в своем товарище, взял его за руку и тихо сказал:

– Я все понял, не переживай. Потом отдашь...

Робер покраснел, надул щеки. Он был хотя и бедный, но благородный и гордый:

– Нет! – потом, правда, смягчился и добавил. – Как же я отдам тебе, ты и так всю дорогу заботился обо мне...

– С первой добычи и отдашь... – попытался успокоить его Филипп. – Места здесь, поговаривают, богатые, мусульмане все в золоте и камнях, да на бабах их золота столько, что свет не видывал!..

– Господи! Да о чем ты говоришь?! – снова возмутился нормандец. – Грабить женщин?! Мы же воины Христовы, а не мародеры и грабители!..

– Ой-ой-ой! – де Леви закатил глаза к небу. – Какой идеализм, какое благородство! А на что наши франкские рыцари построили себе замки в Палестине?! На Божью благодать?! На милостыню?! Нет, Брат! Они преспокойно грабили мусульман, отрубали им пальцы, чтобы снять драгоценные перстни, вспарывали им животы, чтобы отыскать проглоченные сокровища! Война, мой наивный нормандский друг, пусть и религиозная, но все-таки война. А на ней, не обессудь, будет и кровь, и мародерство, и прочие милые спутники жизни во вражеской стране...

Робер буквально упал на стул, на котором до этого спал Филипп.

– Мама родная...

– Понимаю тебя. – Де Леви присел рядом с ним на корточки, заглянул ему в глаза и улыбнулся. – Я тоже, поверь мне на слово, думал также как и ты. А потом, сам того не замечая, привык и пообтесался.... Жизнь заставила.

– Но я беден как церковная мышь, а тут прямо в кабалу к тебе попадаю вечную... – Робер опустил голову и сник.

– Так! Еще раз сравнишь меня с евреем – вызову на ордалию и убью к чертовой матери! – Засмеялся Филипп. – Помнишь слова Господа? Да не оскудеет рука дающего...

– Ты и так слишком уж много мне дал... – Робер поднял голову и грустно посмотрел на де Леви. – Мне и так никогда не рассчитаться с тобой...

– Плевать! Зато мы будем вместе, так веселее и удобнее воевать! – подмигнул ему Филипп. – Пошли собирать манатки и сползать на берег Испании...

Поздняя испанская осень довольно-таки приветливо встретила путников. Единственным, что, пожалуй, немного подпортил приятную картину встречи с неизвестной страной, был противный, периодически налетающий и также быстро прекращающийся холодный Бискайский северный ветер. Слава Богу, что порт Сантандера да и сам город были укрыты за большим горным выступом, полукругом слева вклинившимся в море. Это хотя бы немного утихомиривало ветра. На нем и располагался старинный монастырь, а по совместимости и крепость, построенная готами для защиты своих земель давным-давно.

Рыцари быстро сошли на берег, с большим трудом пробившись сквозь ряды всяких спекулянтов, перекупщиков и откровенных проходимцев, слились с большой и оживленной толпой зевак, покупателей, вербовщиков и торгашей и покинули порт.

Робер был потрясен разнообразием одежд, лиц и языков, захлестнувших его со всех сторон, он оторопело глазел на верблюдов, яркие и вычурные до необычности одежды мусульманских купцов, что пару раз только благодаря внимательности Филиппа не стал легкой добычей карманников и мелких воришек, кишачих, словно рыба молодь на мелководье реки.

– Будь внимательнее... – Филипп протянул нормандцу его хилый кошель. – Неровен час, еще и последнего лишишься...

Нормандец горячо поблагодарил своего товарища, спрятал кошель за пазуху и поспешил за де Леви, который шагал впереди, расчищая дорогу.

– Куда мы идем?.. – догнав его, спросил нормандец.

– Куда-куда... – засмеялся Филипп. – Знамо куда – к евреям!..

– Зачем?.. – скривился Робер. – Бр-р-р. Общаться с этим богопротивным народом...

– Раз они живут до сих пор на свете – значит, не богопротивны... – поправил его де Леви. – А потом, мне еще мой отец рассказывал, что если к ним отнестись по-человечески, то и они воздадут сторицей. Хотя, ухо надо держать востро...

Робер пожал плечами, но спорить не стал. Они миновали большую рыночную площадь, посмотрели походя товары, задержались немного возле лавок оружейников, где мусульманские купцы, миглом распознав в них новичков и чужеземцев, стали втридорога продавать оружие и

разные диковинные вещицы. Но больше всего, как ни странно, мусульмане мечтали купить их длинные франкские мечи...

– Чего это они так к нашим старым мечам прицепились?.. – снова удивленно спросил Филипп Робер. – У них вон сколько разного и красивого оружия?..

Филипп пожал плечами и ответил:

– Знаешь ли, друг мой Робер, наши мечи у них ценятся на вес золота. Еще ордонансом короля *Шарля Лысого* наложен полный запрет на продажу наших мечей неверным.

– Да ты что?.. – удивился нормандец. – А я и не знал...

– Поверь мне, что и я многого еще не знаю, так что не надо на меня смотреть, как на всезнающего... – Филипп присмотрелся к одной из вывесок, подошел к двери и постучал кольцом, прикрепленным к ней, о бронзовый выступ. – Вот, если не ошибаюсь, мы и пришли...

– Да? Откуда ты решил?..

– От верблюда... – Филипп показал пальцем на грубо намалеванную шестиконечную звезду. – Это звезда Давида. Так все евреи обязаны помечать свои жилища и торговые лавки.

– Век живи и век учись... – промолвил Робер.

Дверь осторожно приоткрыла, из-за нее высунулась голова мальчика-подростка с черными курчавыми волосами, ойкнула и снова закрылась.

– Вот те на... – произнес Робер.

Не успел он договорить свою фразу до конца, как дверь снова раскрылась, на пороге появился старый еврей в просторной одежде, похожей на кучу сплошных складок, подпоясанных тоненькой бечевой. На голове у него был черный полукруглый колпак.

Он окинул быстрым и наметанным взглядом своих гостей, после чего, старательно подбирая слова, на немного ломаном французском языке произнес:

– Да будь благословен Господь, хранивший вас, добрые франки, в море и направивший ваши стопы ко мне, несчастному и бедному Исааку... – он низко поклонился рыцарям. – Путники желают немного придти в себя с дороги, отдохнуть и перекусить...

Эти слова он сказал куда-то вглубь дома, адресуя их, видимо, кому-то из слуг или домохозяев.

– Мы бы желали... – произнес, было, Робер, но еврей мило улыбнулся, снова поклонился и сказал:

– Надо сначала омыть ноги с дороги, покушать, а уж потом говорить о делах наших скорбных... – он сделал приглашающий жест рукой. – Прошу вас не отказываться и пройти под крышу этого гостеприимного жилища.

Рыцари переступили порог и оказались в довольно-таки просторной и ярко освещенной комнате, служившей гостиной, торговой лавкой и одновременно кабинетом еврея. Жилище было скромным, но не бедным, что лишний раз подчеркивало осмотрительность его хозяина, выросшего среди постоянных войн и, судя по всему, привыкшему к регулярным погромам.

Исаак пригласил их за большой стол, который его домохозяицы уже успели накрыть выбеленной холстиной и теперь заканчивали расстановку мисок, глиняных стаканов и кувшинов.

– Присаживайтесь, гости... – Исаак присел на краешек стула, словно не он был хозяином этого дома, а кто-то другой, – разделите хлеб и соль со мной, коли не побрезгуете...

Робер снова раскрыл рот, но Филипп успел его толкнуть локтем в бок, сел сам и буквально за руку насильно усадил нормандца возле себя. Исаак заметил это, но не подал вида. Правда, он сразу же переключился на де Леви, определив в нем главного в этой паре рыцарей.

Юноша-подросток принес две большие кастрюли с курицей и фасолью, разложил на столе хлеб, который быстро нарезал большими ломтями, роздал ложки гостям и, поклонившись, своему отцу.

– Это мой сын Давид... – представил его Исаак. – Он у меня один остался... – старик тяжело вздохнул. – Господу было угодно забрать двух моих старших сыновей. Остался только

он, да дочка... – Исаак проследил за реакцией гостей, успокоился, после чего что-то шепнул Давиду. Тот поклонился и убежал вверх по лестнице. – Я пригласил ее, надеюсь, вы не против, сеньоры?..

– Это честь для нас... – ответил ему за себя и товарища де Леви.

Исаак едва заметно улыбнулся, поклонился в ответ. В это время по лестнице спустилась девушка. Ей было чуть больше шестнадцати, как раз тот прелестный и изумительный возраст, когда расцветающая красота в соединении с молодостью создает из юной девушки просто невосомое и невероятно прелестное создание. Ее бледно-молочный цвет кожи слегка украшался розоватым румянцем щек, а большие голубые глаза (просто невероятно) так контрастировали с черными, словно вороново крыло, густыми волнистыми волосами, убранными в две толстые косы, украшенные несколькими маленькими, но весьма милыми красными бантами.

– Ребекка... – Исаак представил девушку рыцарям. – Моя отрада и моя же боль... – он снова улыбнулся, на этот раз теплее и искреннее, после чего произнес. – Ребекка, дочь моя, позволь мне пригласить тебя к столу и представить тебе двух молодых и благородных сеньоров, прибывших к нам из Франции. – Он выразительно посмотрел на рыцарей. – Сеньор...

Филипп со всей вежливостью кивнул девушке и представился:

– Мессир Филипп де Леви и де Сент-Ном, франкский рыцарь. – Он решил не дожидаться, пока его молодой и растерявшийся нормандец заговорит. – Мой приятель, – он жестом указал на Робера, – норманн мессир Робер Бюрдет, рыцарь...

– Очень приятно... – тихо ответила Ребекка.

– Дочь моя, я старый человек и разбираюсь в людях. С первого взгляда я понял, что наши франкские гости весьма учтивые и воспитанные рыцари. – Исаак жестом головы приказал ей присесть. – Прошу откусать, сеньоры...

Только теперь они поняли, насколько изголодались и соскучились по простой и незамысловатой, но горячей пище. Рыцари с жадностью налетели на курицу с фасолью и стали уплетать ее, запивая большими глотками молодого испанского вина – терпкого и сладковатого, с небольшими нотками черной смородины.

Исаак кушал степенно, как и подобало хозяину дома. Ребекка старалась держаться как можно скромнее, сидела с прямой спиной и отламывала хлеб очень маленькими кусочками, отправляя их в рот и демонстрируя рыцарям свои ряды ослепительно белых и ровных зубов. Робер, нет-нет, а уже начинал бросать голодные взгляды на нее, что сильно тревожило хозяина и, если быть честными, напрягало де Леви.

Исаак что-то тихо сказал ей на своем языке, Ребекка встала, поклонилась и ушла, отец поднялся и проводил ее до лестницы. Филипп, пользуясь случаем, тихо шепнул нормандцу:

– Не смей даже думать...

– Почему?.. – удивленно спросил Робер.

– Нас зарежут в этот же вечер... – попробовал испугать его де Леви. – Их здесь много и они довольно-таки дерзкие...

– А-а-а, понял... – кивнул ему в ответ Бюрдет.

Когда Исаак вернулся, Филипп вежливо поблагодарил за стол, осведомился о том, не должен ли он и его друг чего-либо хозяину. После того как Исаак вежливо отказался от оплаты, де Леви произнес:

– По совету знакомых, моего отца и своему собственному опыту жизни во Фландрии я решил обратиться к вам за помощью, рабе Исаак.

Еврей удивился, вскинул вверх свои седые брови, после чего сказал:

– Именно таки, ко мне?..

Филипп понял его тонкий намек, засмеялся и ответил:

– Отнюдь. Не именно к вам, рабе, а людям вашего народа...

Исаак вежливо поклонился и произнес:

– Редко в наше время встретишь иноземцев-христиан, да еще и таких почтительных. Хотя, насколько мне известно, ваш король терпимо относится к людям моего племени.

Филипп поклонился и ответил любезностью на любезность:

– Я и сам часто пользовался услугами евреев-менял... – он повернулся к нормандцу, который уже начал задремывать. – Робер, как мне кажется, наш хозяин готов предложить тебе постель для отдыха.

Исаак понял, что сейчас франк скажет ему что-то, что явно не предназначается для слишком большого количества ушей, щелкнул костяшками пальцев, подозвал своего сына и что-то снова шепнул ему на ухо, после чего поклонился Бюрдету и произнес:

– Не изволите ли отдохнуть с дороги. Здесь есть флигель, там уютная и светлая комната...

– Робер встал и, почесывая затылок, нехотя ушел вслед за Давидом. Исаак дождался его ухода, после чего сказал, обращаясь к де Леви. – Вы, как я понял, что-то имеете мне сказать и явно без лишнего шума?.. – Филипп улыбнулся – его немного забавляли странные обороты речи Исаака, кивнул в ответ. – Я весь превращаюсь в слух, благородный сеньор...

Вместо слов Филипп извлек из-за пазухи маленький мешочек, развязал тесьму и вытащил крохотный кусок пергамента, который протянул еврею. Тот подслеповато прищурился и стал внимательно вчитываться в текст и беззвучно шевелить губами. Он долго пыхтел и сопел, то и дело, бросая удивленные и несколько испуганные взгляды на рыцаря, после чего очень тяжело выдохнул воздух, опустил голову и сказал:

– Очень великая бумага... – он поймал взгляд де Леви, – я дам вам все, что вы пожелаете, но...

– Я уже понял... – Филипп стал серьезен. – Ваше «но» означает предел потребностей? – еврей молча закивал головой. – Не волнуйтесь, я чту приличия и не выйду из означенного мне предела. Там, если не ошибаюсь, написано «пять тысяч серебром»?..

Исаак закашлялся, словно подавился или поперхнулся, вытер слезы из глаз кулаком и ответил, словно извиняясь:

– Там указана сумма серебром в ливрах *труасского веса*, сеньор де Леви...

– Ну, и что?.. – Филипп разыграл несказанное удивление, хотя прекрасно понимал, что еврей сейчас будет просто-напросто ломать его в цене, ссылаясь на что-то и придумывая, как любой из представителей его народа, всякие трудности. – Сложности в пересчете?..

– Нет-нет, ни в коем случае! – Исаак оживился и напрягся, опасаясь, видимо, что его неожиданный гость уйдет к кому-нибудь другому. – Просто, как бы вам сказать, есть необходимость, – он замялся, – в счет перевода и высокой ответственности момента, да еще море, сами понимаете, да и Пиренеи весьма опасны...

– Мне, что, придется ждать деньги из Франции?.. – де Леви удивленно посмотрел на него.

– Нет-нет. Они, к счастью для вас, имеются в наличии... – Исаак побледнел, его скулы резко выступили на лице. – Только она будет несколько меньше означенной в бумаге...

«Ладно, старый прохиндей, черт с тобой, – решил Филипп. – Только бы деньги поскорее получить, коней, да людей нормальных...»

– Слушаю вас, рабе Исаак... – сказал он вслух.

– Сумма будет меньше на пятую часть... – одним махом произнес Исаак.

– Ой-ли! Что так много? Овес, что ли подорожал? – засмеялся Филипп. – Даже король берет не больше десятины и наша святая католическая церковь не превышает пределов... – он спокойно, но жестко посмотрел на еврея. – Десятая часть от суммы...

– Ваша воля для меня закон. – Ответил ему Исаак. – Не могу торговаться с защитниками Господа и святого Иерусалима. Девятнадцать процентов...

Филипп громко и заразительно засмеялся.

После долгих и нудных торгов они пришли к согласию... В пятнадцать процентов комиссионных.

– Так. – Филипп пересчитал деньги и разложил их по мешочкам. – Мне еще надо добрых и крепких коней, – Исаак молча кивнул и что-то записал на куске пергамента. – Боевых декстриеров парочку, ронкинов по три на брата, кое-что из вооружения и припасов и, самое главное, надежных людей...

– С этим, сеньор, самые большие загвоздки... – вздохнул Исаак. – Люди здесь, как в прочем и везде, гадкие, подлые и пакостные. Пару-тройку более-менее приличных слуг я вам сыщу, а вот воинов сами отбирайте, увольте меня, старика, от этого жуткого дела...

– И на том спасибо... – Филипп зевнул. – Когда пойдем коней смотреть?..

– А ничего смотреть не надо. – Успокоил его еврей. – Ступайте-ка отдыхать с дороги, а завтра к утру у вас все будет, причем, поверьте, все самое лучшее и по весьма приличной и приемлемой цене. – Исаак поймал недоверчивый взгляд рыцаря. – Даю слово Исаака! Вы можете-таки потом все проверить и перепроверить. Мои цены будут ниже, они будут правдивы, а кони будут превосходны...

– Ладно, старик, согласен... – Филипп откинулся на спинку стула, зевнул и понял, что и он устал с дороги, все-таки недельное пребывание в открытом море с его постоянной болтанкой донельзя вымотало и его крепкий молодой организм.

Исаак улыбнулся какой-то своей загадочной улыбкой, дотронулся своими длинными и крючковатыми пальцами до ладони рыцаря:

– Дон де Леви, я чувствую, что вас внутри что-то гложет... – Филипп в ответ лишь повел плечом и сдвинул брови на переносице. Еврей по-отечески погладил его по руке. – Запомните только одно. Вам с этим придется жить всю вашу жизнь и куда бы вы ни бежали, это будет идти за вами следом, вырастая и заполняя вас целиком и полностью, грызя и точка изнутри. Успокойтесь, выдохните, осмотритесь, подумайте – а стоит ли, вот так, изводить себя и мешать жить окружающим вас людям. – Старик посмотрел в окно, подумал о чем-то своем и продолжил. – По вашим глазам я понял, что там за морем осталась еще одна разбитая вдребезги душа. Это девушка?.. – де Леви молча кивнул головой. Исаак тепло улыбнулся. – Она вскоре забудет вас, поверьте мне – старику, который многое видел в жизни. Нет, она помучается какое-то время, но все равно забудет вас... – он подумал, тщательно подбирая французские слова, и прибавил. – Естественно, где-то там, в самом потаенном уголке своей памяти она сохранит ваш образ, но с каждым днем он будет все размытее и туманнее, все идеальнее и идеальнее, и если вы попытаете снова возвратиться к ней, то поверьте – у вас ничего не получится. В одну реку дважды не войдешь. Вы будете совершенно другим, далеким и чужим ей. Измучаете, добьете себя и разочаруете ее...

– Спасибо, рабе.– Ответил Филипп. – Вы, прямо, как отец.

– А я и есть отец... – грустно вздохнул он. – И скажу вам одно – не приведи вам когда-нибудь хоронить своих детей. Тяжелее ноши для души вы, вряд ли, сыщете. Поберегите своих родителей, хотя бы, и не ищите смерти раньше, чем она сама решится навестить вас. Но и тогда, – он подмигнул рыцарю, – щелкните ей по ее костлявому носу, отпрыгните в сторонку и отвесьте ей увесистый пинок под зад! Рано вам еще...

– Благодарю вас за теплые слова. – Филипп покачал головой, соглашаясь со словами старика и принимая их прямо в свое сердце. – Но у меня есть обязательства...

– А вот их, к вашему несчастью, надо исполнять. Только бесчестный человек может забыть о словах, данных им кому-то в порыве открытости и любви... – Исаак тяжело вздохнул и с грустью в глаза произнес. – Здесь, в Испании, как в прочем и на Святой земле, вы не найдете ничего, кроме крови, грязи, греховности и мерзопакостности. Надеюсь, что это только укрепит вас, а не превратит в обычного скота и ублюдка, коих и так полным-полно на свете, а уж в Испании тем более. Ступайте-ка, отдохните с дороги, а я пока распоряжусь по вашим пожеланиям...

Робер развалился на кровати и, не раздеваясь, спал, оглашая комнату своим залиvistым храпом. Филипп плюхнулся на соседнюю постель, стащил с себя сапоги, сбросил гамбезон и, расстегнув ворот рубахи, практически сразу уснул крепким сном здорового человека – организм, несмотря на храпы соседа, потребовал отдыха...

Утром, к своему несказанному удивлению, Филипп проснулся, разбуженный веселым и громким ржанием коней, шумными разговорами слуг на почти непонятном испанском наречии, которое, лишь прислушавшись, напоминало франкский язык, но было гортанным и певучим. Он толкнул Робера, тот зевнул, открыл глаза, потянулся и с кислой физиономией поднялся с кровати.

– Что такое?.. – все еще не отойдя ото сна, спросил нормандец. Он недовольно пробурчал. – Нас ограбили? Я так и знал, что этим евреям нельзя было доверять...

– Наоборот! – Засмеялся де Леви. – Мы разбогатели и, судя по ржанию коней, обзавелись копытами!..

– Небось беззубых кляч нам притащил, а будет щеки дуть, словно это *першероны* фламандские... – снова недовольно проворчал тот.

– А вот мы сейчас выйдем во двор и проверим... – Филипп взял его за руку и потащил на улицу.

Маленький дворик был полон народу. Пыль, поднятая копытами коней, сплошной завесой покрывала внутренний двор.

Не успел Филипп спуститься со ступенек, как к нему подбежал Исаак и, кланяясь, произнес, не стараясь скрыть своего торжествующего вида:

– Дон Филипп! Полюбуйтесь на эти творения Господа! Ой, ну и красавцы!.. – он указал рукой на коней, стоявших возле привязи.

Филипп и Робер подошли к ним и обомлели! Красивые, мощные и породистые *декстриеры*, каждый из которых мог с легкостью вынести на себе тяжеловооруженного рыцаря, нетерпеливо били копытами и широко раздували ноздри. Их исполинский рост и открытая мощь поразили рыцарей. Исаак, молча наблюдал за реакциями гостей, улыбнулся и сказал:

– Судя по вашим глазам, дон Филипп, я догадался, что результат превзошел самые смелые ожидания...

Филипп резко развернулся, сгреб его в охапку, стал трясти и благодарить:

– Господи! Да откуда вы достали таких великолепных коней?! У нас во Франции таких днем с огнем не отыщешь! Полагаю, что сам герцог Бургундии, да что там герцог! Сам король Англии не имеет таких декстриеров в своих конюшнях!..

Исаак с большим трудом высвободился из крепких объятий франка, поправил свои длинные и несуразные одежды, после чего с достоинством произнес:

– Истинно так! Эти кони предназначались для его величества Альфонса, Божьей милостью и по воле его святейшества папы Римского короля Кастилии и Леона! – Он закатил глаза к небу. – Ох, скольких трудов мне стоило перехватить их...

– Ладно-ладно, хитрый торговец! – Филипп похлопал еврея по плечу, да так сильно, что бедный и тщедушный Исаак чуть не упал. – Я понимаю толк в лошадях! Сколько я должен?..

Исаак приблизился к нему и на ухо прошептал сумму. У Филиппа округлились глаза от удивления:

– Господи! Да я бы отдал втридорога за них! Нет вопросов! Забираю без гуда!.. – он подошел к коням и похлопал каждого из них по шее, погладил гриву, повернулся к Исааку. – Так. С декстриерами мне все ясно – они превосходны! А что у нас по поводу *палефроев*, *ронкинов* и людей? – Он пристально посмотрел на еврея.

Тот невозмутимо ответил:

– Примите совет умудренного годами еврея – парадные кони вам пока не сильно пригодятся. Здесь, на самом острие войны между христианством и исламом, в отличие от тихой и лощеной Европы где ценят внешний блеск и вычурность, ценят надежность, крепость и выносливость, примите это на веру, дон Филипп. – Исаак распрямил свои сутулые плечи и с уверенностью во взгляде посмотрел на него. – Ронкинов здесь путных нет, а вот мулов, кои не уступят им, а подчас и превзойдут в выносливости, я вам организую хоть сотню, – он замялся, – и весьма по умеренной цене.

Филипп задумался. Спокойный тон, уверенность взгляда и сам внешний вид Исаака заставили его принять на веру все то, что он только что объяснил рыцарю.

– Хорошо, но мне в этом случае потребуются сменные лошади, почти такие же выносливые и шустрые, как эти... – он кивнул головой в сторону декстриеров.

– *Альмогаварские* лошадки чуть меньше в холке, но шустрые и дерзкие в бою... – Исаак щелкнул пальцами, приказывая кому-то из своих слуг вывести из конюшни лошадей, о которых он только что говорил.

Филипп стал рассматривать их: крепкие крупы, мощные ноги, они и правда были чуть ниже декстриеров и казались худыми, но в них ощущалась мощь, сила и прыть.

– А они выдержат вес рыцаря в кольчуге, со щитом и при шлеме? – уточнил рыцарь, перехвативший кислый взгляд Робера, который молча и с сомнением разглядывал испанскую породу лошадей.

– Да, дон Филипп, – поклонился еврей, – только их надо будет менять почаще... – он задумался и прибавил, – или использовать более легкое вооружение, как наши местные кабальеры.

– Слышишь, Робер? – Филипп обратился к нормандцу. – Он сказал, что нам придется их чаще менять или ездить почти как простолюдины!..

– Все же лучше, чем пешком тащиться... – пробурчал тот, понимая, что от него в данном случае мало что зависит, ведь платит все равно не он, а де Леви.

Исаак, молча и с улыбкой слушавший их диалог, кашлянул, изобразил виноватое лицо и произнес:

– И, еще один совет, можно сказать, бесплатный... – он наслаждался реакцией, которая появилась на лицах рыцарей, засмеялся своим тихим, словно кашляющим, смехом. – Здесь вас не оценят по достоинству. Поезжайте-ка, лучше в Арагон или Каталонские графства. Мой вам совет...

Филипп удивленно переспросил:

– Это, еще, почему? Здесь, насколько мне известно, тоже бьются с мусульманами...

Исаак пожал плечами и ответил:

– Местный король, поговаривают, довольно-таки жаден до наград и почестей, особенно иноземцам. – Он подмигнул рыцарям. – А уж после того как он узнает, что его лошади самым наглым образом перекочевали в ваше стойло... – Исаак закатил глаза к небу и изобразил на своем морщинистом и весьма подвижном лице такую гримасу, что де Леви не удержался и прыснул смехом. – Мой вам совет – поезжайте в Арагон или Каталонию. Граф ее, Рамон-Беранже, очень приличный рыцарь, да и говорит он на каталонском наречии – вам же проще будет с ним общаться...

Филипп посмотрел на Робера, тот молча пожал плечами, мол, ему все равно куда ехать, лишь бы поскорее вырваться из лап еврея-прохиндея, как ему казалось. Де Леви горячо поблагодарил Исаака за помощь в покупке коней и важные советы.

– Э-э-э, дон Филипп, а вы у нас забывчивый! – заметил Исаак. – Сами же просили найти вам путных людей, а стоило вам только увидеть коней, как разом позабыли обо всем на свете! – Филипп развел руками в стороны, признавая свою ошибку и забывчивость. Еврей что-то крикнул своим слугам, те выскочили за ворота и вскоре возвратились с десятком мужчин одетых

так, что с первого взгляда их можно было принять за людоедов или разбойников с большой дороги. Исаак прошелся вдоль них, придирчиво разглядел каждого, некоторым даже раскрыл рты и проверил зубы, как у лошадей, трех выгнал, что-то крикнув слугам. Те вжали шеи в плечи и стали низко кланяться, что-то бормоча в свои оправдания. Наконец, Исаак закончил свой смотр, подошел к Филиппу и сказал. – Вот, дон Филипп, эти самые приличные, что можно найти на всем протяжении от Сантандера до Бургаса. Они почти все – *альмогавары* и привыкли жить среди войны, пожарищ, наскоков и походной жизни.

– Это еще кто такие? – Робер не удержался и решил пополнить свои знания о местных обычаях и людях.

– Дон Робер, – Исаак поклонился и с видом учителя стал неторопливо рассказывать о них. – Альмогавары – это жители приграничных районов Испании, в основном горцы, привыкшие жить грабежами и ведущие партизанский образ жизни. Они умеют все, или почти все... – поправил себя еврей. Он посмотрел на рыцарей и добавил. – Их здесь ждет, в лучшем случае, рабство или виселица, а с вами они обретут защиту, новую жизнь и возможность, разбогатев на войне, осесть в Арагоне или Каталонии. Они будут преданы вам как собаки и загрызут любого по вашему первому жесту... – он повернулся к наемникам, толпившимся неподалеку от них. – Верно, я говорю о вас, разбойники?! – Те оживленно загалдели и согласно закивали головами. Исаак с довольным видом покачал головой, щелкнул пальцами, приказывая им утихнуть, а когда они умолкли, громко сказал. – Мои слуги запишут вас, и, – он выдержал паузу, придавая своим словам наибольшую значимость, – и если вы подведете своего нового господина, – он топнул ногой, – я, клянусь своими детьми, сделаю все возможное и невозможное, чтобы разыскать всех ваших родичей до седьмого колена и вырезать их, словно баранов, выкорчую с корнем ваше поганое и позорное семя!

Из их рядов вышел здоровенный мужик, он поклонился еврею, поклонился рыцарям и громко сказал, прикладывая свою руку к сердцу:

– Клянусь Господом Богом и святой Девой Марией, что я и мои люди не подведут, не предадут и не опозорят вас до тех пор, пока вы, благородные франки, не предадите нас! – Он повернул голову и крикнул своим товарищам. – Клянемся?..

– Клянемся!!! – громким и нестройным хором ответили альмогавары.

– Отлично! Я принимаю вашу клятву! – Филипп шагнул навстречу их вожаку и протянул ему руку для пожатия. Тот крепко пожал ее, после чего встал на колени перед рыцарем и поцеловал руку. Каждый из его оставшихся девяти товарищей проделал тоже самое.

Де Леви еще раз оглядел их, прошелся вдоль их шеренги и спросил:

– Оружие и коней имеете?..

Вожак поклонился и ответил:

– Почти каждый из моих людей имеет короткую кольчугу или кожаную куртку, сшитую из грубо выделанной бычьей кожи, усиленную бронзовыми или железными бляхами для верности, короткие копья, их еще у вас называют шефлины, крючья, топоры на длинных рукоятях, да мечи. Арбалеты и луки есть только у пятерых... – он замялся, потоптался на месте, – только вот с конями у нас беда. На весь отряд их осталось только три...

Филипп похлопал его по плечу и спросил:

– Как звать-то тебя?..

– Рамон, – ответил вожак альмогаваров. – Зовите меня Рамон, дон Филипп.

– Будь, по-твоему, Рамон! – де Леви еще раз осмотрел воинов, коими он будет командовать в ближайшее время. – Лошадек мы вам прикупим. Только уж и вы, смотрите, не плошайте...

– Будь покойны, ваша милость! – Ответили воины. – Уж мы-то никак не подведем вас! Коли к нам по-человечески, то и мы воздадим сторицей!..

Филипп повернулся к Робберу и, зевая, сказал:

– Давай-ка, мой нормандский друг, принимай командование над этой оравой бандитов! Делай, что хочешь, но без глупостей, и прошу тебя запомнить, что эти молодцы мне нужны в виде готового к бою отряда уже к исходу недели! А сегодня мы, с Божьей помощью, выдвигаемся на Арагон...

Робер, обрадованный своим новым назначением, как-никак он теперь был коннетаблем у де Леви, с таким воодушевлением принялся за командование отрядом, что Филиппу пришлось пару раз урезонить нормандца, дабы тот в азарте не натворил чего лишнего с наемниками, которые, судя по их шрамам и боевому виду, прошли огонь и воду, следовательно, от них можно было ждать чего угодно.

– Ты, часом, будь с ними аккуратней. – Мимоходом посоветовал ему Филипп. – Они ребята ушлые, могут и кинжал в бок засунуть. Без нужды не мучай их, они и сами все знаю... – де Леви задумался, после чего произнес. – Знаешь, Робер, нам надо сначала съездить в *Сен-Жак-де-Компостель* на богомолье, а уж потом отправляться за славой и почестями в Арагон. Так что мы, пожалуй, поступим следующим образом: Рамон, – Филипп подозвал жестом руки главаря альмогаваров и когда тот подошел к ним, сказал, – отряд Рамона отправится к границам Кастилии и Арагона, где и будет поджидать нас в каком-нибудь условленном месте, например, возле Бургоса, а мы с тобой быстренько смотаемся до могилы святого Жака и обернемся буквально за пару недель, верно? – Рамон молча поклонился, принимая безо всяких возражений волю своего нового хозяина.

– Ладно, – буркнул в ответ нормандец.

Филипп стоял возле коня и увязывал к седлу сумки, когда к нему подошел Исаак и, осторожно тронув его за плечо, сказал:

– Храни вас Господь. – Старик вытер слезинку, набежавшую на его глаз. – Вы искренний юноша и ваше сердце не окостенело. Берегите его в чистоте... – он вздохнул и сказал. – Вы первый христианин, кто отдернул своего единоверца, когда он покосился на прелести моей дочери. Спасибо вам. Знайте, что с этого момента я ваш покорный слуга. Можете просить меня о чем угодно...

– Даже если у меня денег не будет? – с хитринкой в голосе спросил Филипп.

– Даже в этом случае. – Спокойно ответил Исаак.

Филипп обнял его, крепко прижал к своей могучей груди и сказал:

– Тогда и вы, рабе Исаак, можете обратиться ко мне за защитой и помощью, здесь в Испании или в любом уголке Европы.

– Храни вас Господь и пусть ваши ангелы защитят тебя от стрел и копий врагов...

Филипп снова обнял его, подержал в своих объятиях несколько секунд, после чего выпустил из них и сказал:

– Пойду, пожалуй, собираться в дорогу...

На утро они покинули гостеприимного Исаака, его дочь Ребекку, сына Давида и маленький Сантандер держа курса на юго-восток, к границам Арагона...

ГЛАВА V.

Констанс (продолжение).

25 сентября 1128г. Париж. Королевский дворец.

Филипп неуклюже, словно большой и косолапый медведь, прикоснулся губами к ее нежной и пахнущей благовониями ручке. Ее нежная и тонкая, словно пергамент, кожа была

настолько восхитительна, что у него снова закружилась голова. Он буквально упал рядом с ней на скамью...

Констанс игриво отдернула свою нежную и пахнущую благовониями ручку, надула губки и стала старательно разыгрывать из себя роль капризной и обиженной принцессы.

– Как вам не стыдно, шевалье... – ее нежный с томными нотками скрытых желаний голос продолжал околдовывать Филиппа. – Придумали невесть что! Как вы могли даже предположить, что... – она замялась, наткнувшись на огненный взгляд рыцаря, полный страсти и практически неуправляемого желания.

Филипп несколько раз тряхнул головой, пытаясь отогнать от себя наваждение и желание обнять эту красивую, но такую недостижимую по своему положению, девушку:

– Принцесса... – его голос сорвался. Он прокашлялся, посмотрел ей в глаза: Господи! Какие же они зовущие и бездонные! Отвел взгляд в сторону и произнес. – Констанс, мы с вами не одного поля ягоды. Вы – королевских кровей, а я...

– А я вас люблю... – сама того не понимая, как у нее вырвалось, произнесла принцесса. Она покраснела, побледнела и едва не лишилась чувств от собственной смелости и несдержанности.

Филипп вскочил и бросился к выходу из беседки. Он умолял только одного – чтобы она не окликнула его и позволила убежать, тем самым, спасая его и свою честь. Но ее нежный голос остановил его, буквально приковав ноги к камням и сделав их непослушными:

– Филипп, не уходи...

Он развернулся, закрыл лицо руками и застонал, запустил пальцы в свои волнистые волосы. Констанс подошла к нему и прильнула своим телом к его груди. Сердце Филиппа было готово разорваться на тысячи кусочков.

– Пойми, Констанс, – попытался он объяснить принцессе всю сложность положения, в котором он оказался, но Констанс прильнула к его губам зазывным обжигающим поцелуем, заставляя его умолкнуть, отдавшись порыву страсти. – Нам нельзя с тобой... – но она не давала ему договорить, продолжая и продолжая страстно целовать.

– Я уже все давно решила для себя... – прошептала принцесса. – Ты будешь мой и только мой...

– Господи! Да о чем ты говоришь... – Филипп снова попытался образумить девушку. – Король – твой отец будет против нашего брака. Мало того, он меня казнит, а тебя упечет до скончания века в монастырь... – она снова поцеловала его. Де Леви понял, что не в силах сопротивляться страсти, закрыл глаза и отдался этому чарующему чувству, уносясь все дальше и дальше вместе с молодой и красивой принцессой в зачарованную страну любви.

Его руки скользнули по шнуровке ее корсета.

– Милый, ну не здесь же... – едва сдерживая дрожь, прошептала Констанс.

Филипп, абсолютно не отдавая отчет в том, что он делает, поднял ее на руки и быстрыми шагами понес к тыльному входу во дворец.

– Глупый, нас же могут увидеть. – Она посмотрела на него с улыбкой, ее полузакрытые глаза блеснули, отражая искры страсти и отблески ночных звезд. – Опустите меня на землю...

Рыцарь послушно опустил ее на мягкую траву, росшую в изобилии на этих запущенных дорожках. Констанс, слегка покачиваясь, поднялась по ступенькам и, взявшись за большое бронзовое кольцо двери, повернула к нему голову, улыбнулась, блеснув своими ровными рядами белоснежных восхитительных зубов:

– Быстро беги дворец и поднимись ко мне...

Он, как замороженный, кивнул головой и, едва дождавшись пока дверь закроется за ней, бросился бежать, оглядывая угол дворца. Он ничего не соображал, несясь на крыльях любви и не задумываясь о последствиях глупости, которую они были готовы совершить.

Он влетел в боковой подъезд дворца и, перепрыгивая по несколько ступеней зараз, влетел на второй этаж, где почти нос к носу столкнулся с Матье де Бомоном. Тот, привлеченный грохотом бежавших ног, решил проверить – кто это так шумит в вечернее время.

– Господи, Филипп... – удивился он. – А я думаю, что там за вебрь несется по лестнице. Ты, что, с ума сошел? Неровен час, его величество выскочит и заорет как резаный! Он только что изволил отойти ко сну... – рыцарь приложил палец к губам. – Тише, прошу тебя...

Филипп часто-часто закивал головой в ответ, намереваясь поскорее отделаться от назойливости товарища.

– Прости Бомон, мне надо спешить... – неуклюже попытался отделаться от приятеля де Леви.

– Я уже понял... – де Бомон не был бы самим собой, если бы не умудрился и здесь сдохнуть. – Ее высочество только что проскочила, словно мышка, к себе в комнату, но дверь почему-то не заперла. – Он посмотрел на де Леви. – Ты, часом, не знаешь, почему это она не закрыла дверь? Может, ждет кого, а?..

– Бог ты мой... – выдохнул Филипп, он уже начинал закипать. – Ну, скажи, какое твое дело...

– Понял, не дурак... – Матье посторонился, пропуская друга в коридор. – Беги, но только тихо... – он прошептал в спину Филиппу. – Если что – я тебя не видел, а ты меня не встречал. Понял?

Филипп махнул рукой и, стараясь не поднимать лишнего шума, поспешил к дверям комнаты Констанс.

– Везет же людям... – произнес в полголоса Матье. – А тут мыкаешься неприкаянным, даже никто не улыбнется при встрече, словно меня и нет вовсе... – он прошелся по коридору, освещенному мерцанием немного чадающих факелов, подошел к большому медному блюду, служившему для подсветки одного из фонарей, и стал рассматривать себя к его искривленному полю. – Вроде не урод, а никто меня не любит...

Он горько вздохнул, огорченно махнул рукой и побрел в комнату дежурной стражи...

Филипп внял советам товарища и стал пробираться гораздо осторожнее, можно сказать – крадучись. Комната принцессы располагалась сразу же за дверями спальни королевы – а про ее чуткий сон уже сложилась притча во языцах...

Де Леви подошел к дверям Констанс, взялся рукой за дверное кольцо и остановился. В голове у него была полная суматоха, неразбериха и такая мешанина мыслей, голосов и сомнений, что он растерялся. В нем, в этот самый момент, шла борьба между желанием и теми табу в виде чести, клятв и уважения к своему сюзерену, что вкладывались ему в сознание с самого рождения.

«Господи, что же я делаю... – пронеслось у него в голове, – я же становлюсь вором, подлецом и предателем! Я покушаюсь на честь своего сюзерена, честь и светоч короля... – но другой голос, молчавший до сего момента, гулким эхом пронесся по его голове. – Ты ничего не попираешь! Ты забираешь принадлежащее тебе и только тебе по праву любви. Ты родился благородным, значит – ты был равен королю, лишь оммаж сделал вас разными...»

Филипп осторожно толкнул дверь – она была незакрыта и с тихим скрипом подалась, пропуская его в полутемную спальню Констанс...

Его глаза быстро привыкли к полумраку комнаты, но, чтобы, не дай Бог, не задеть стул или еще что-нибудь из мебели, Филипп тихо прошептал:

– Констанс...

– Я здесь... – слева от него раздался голос принцессы. – Иди же сюда, увалень...

Он повернулся на ее голос и разглядел смутный абрис фигуры девушки, полулежащей на постели под высоким балдахином. Она встала и шагнула ему навстречу. Их руки соприкос-

нулись – Филиппу даже показалось, как по кончикам его пальцев пробежали колкие удары, похожие на уколы множества малюсеньких игл.

– Констанс, я прошу тебя, – он снова попытался образумить и себя, и принцессу, – может быть, нам стоит все-таки пойти завтра к королю?..

– Глупый мой... – с нежностью ответила она, прижалась к его груди и, привстав на цыпочки, нежно коснулась своими жаркими губами его губ.

Голова Филиппа закружилась, он ответил за ее нежный поцелуй со всей страстью и силой, увлекая ее на постель...

Они совершенно потеряли головы, устремившись навстречу своим чувствам. Искренность, нежность и страсть, дико перемешавшись, захватили их и понесли по волнам блаженства и наслаждения, заставив забыть обо всем на свете.

Для Филиппа и Констанс в эти часы не существовало ничего, кроме них самих. Жизнь с ее проблемами, опасностями и трудностями перестала существовать, превратившись в эфемерную и маловажную небылицу. Их горячие тела сплетались в удивительном по красоте, чувственности и страсти узоре и неслись по волнам блаженства...

Филипп лежал и молча смотрел в окно спальни. Ущербный месяц своим ярким, словно жидкое серебро, светом заливал деревья, росшие в королевском саду, и окрашивал ночной мир невероятными красками небытия. Констанс прижалась к его плечу и мирно дремала, удобно устроившись рядом с ним.

– Который сейчас час?.. – вслух спросил он самого себя.

Принцесса открыла глаза, потянулась к нему с поцелуем, нежно обожгла его губы зовом любви и ответила:

– Уже больше трех ночи, наверное...

Он привстал на локтях и с ужасом посмотрел на нее:

– Как?! Так поздно?!..

Констанс мило улыбнулась, потянулась своим телом, демонстрируя ему все изгибы своей молодой и роскошной фигуры:

– Даже больше... – она снова попыталась прижаться к нему. – Ой! Вон и небо начинает медленно розоветь на востоке...

Филипп бросился к окну и обомлел! Начинаясь заря нового дня. Двор медленно наполнялся просыпающимися слугами, жизнь снова медленно вкатывалась в привычное русло.

Он стал быстро одеваться, на ходу хватая свои вещи, разбросанные по всей комнате в самой замысловатой последовательности. Констанс обиженно надула губки и произнесла:

– Милый, не надо так спешить и пугаться... – она перехватила растерянный взгляд рыцаря, спустила ножки с кровати и прибавила. – Утром же пойдем к моему батюшке, упадем в ноги и станем молить его дать нам благословение.

Филипп посмотрел на нее – такую очаровательную, красивую и наивную, на большое кровавое пятно, расплзшееся по простыне – след их горячей и бурной ночи, вздохнул, грустно улыбнулся и ответил:

– Меня сразу же казнят...

– Но, почему?! – Удивилась она, встала и, подбежав к нему, крепко прижалась к груди рыцаря. – Мой отец вовсе не злой и не такой уж страшный, как ты его представляешь!..

– Бесчестье своей дочери, я думаю, никто не стерпит... – лицо Филиппа окаменело. – Мне надо срочно исчезнуть...

– Ты бросаешь меня? – на ее глазах появились огромные слезы. – Почему?..

– Нет-нет! – он стал целовать ее лицо, собирая губами соленые слезинки. – Я не могу жить без тебя, но, я боюсь, что именно сейчас твой отец не готов все понять и...

Она перебила его:

– Ты опасешься его гнева?.. – Филипп молча покачал головой. Констанс нахмурилась, понимая, что ее избранник не обманывает, а сильно опасается за их счастье и жизнь. – Ты серьезно думаешь, что он может тебя казнить, а меня...

– Монастырь, и это в лучшем случае... – произнес в ответ рыцарь. – Ведь, если у короля были какие-то планы насчет тебя, он может так рассердиться, что...

Констанс поднесла ко рту кулак и так сильно прикусила его, почти до крови.

– Беги... – она едва сдерживалась от того, чтобы не разрыдаться. – Спрячься, а я сама попробую поговорить с отцом...

Филипп, наскоро одевшись, прикрыл голову и лицо плащом, тихо открыл дверь спальни и прошмыгнул в полутемный коридор, почти сразу же столкнувшись лбом с патрульным рыцарем, мирно задремавшим возле стены. От столь неожиданного и резкого толчка тот выронил копье, прислоненное к его плечу. Оно с грохотом упало на каменные плиты коридора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.